Ян-Филипп Зендкер

Сердце, живущее в согласии

Здесь в верных пропорциях сочетаются романтика, магия, боль сердца и вдохновение... Блестящий автор Ян-Филипп Зендкер подарил нам историю поразительной силы и проникновенности. Она достигает глубины вашего сердца.

Romance Book Reviews

Ян-Филипп Зендкер

Сердце, живущее в согласии

Серия «Искусство слышать стук сердца», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885096
Зендкер Я.-Ф. Сердце, живущее в согласии : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2015
ISBN 978-5-389-09347-8

Аннотация

Джулия Вин – американка средних лет, успешный юрист, но ее личная жизнь лежит в руинах. В один прекрасный день она вдруг начинает слышать голос незнакомой женщины. Та постоянно задает ей вопросы, на которые Джулии вовсе не хочется отвечать: почему она одинока? К кому она по-настоящему привязана? Чего она хочет добиться в жизни? Джулия боится, что сходит с ума. Но один старый монах говорит ей, что «подселившаяся» к Джулии женщина – родом из Бирмы.

И Джулия отправляется в долгое путешествие, где ей предстоит обучиться очень непростому искусству – жить в согласии со своим сердцем.

Превосходное продолжение романа «Искусство слышать стук сердца».

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 27
Глава 4 44
Глава 5 51
Глава 6 61
Глава 7 65
Глава 8 83
Глава 9 96
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Ян-Филипп Зендкер
Сердце, живущее в согласии

Саре, Патрику и Женеве Розе

Jan-Philipp Sendker
A WELL-TEMPERED HEART
Copyright © 2012 by Karl Blessing Verlag;
originally published in German as «Herzenstimmen»
English translation © 2013 by Kevin Wiliarty
All rights reserved
© И. Иванов, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Глава 1

Утро, изменившее мою жизнь, встретило меня пронзительной синевой неба. Холодное, бодрящее утро пятницы. До Дня благодарения оставалась неделя. Позже я часто думала, могла ли я предвидеть этот поворот? Как умудрилась его проворонить? Как не почуяла приближение беды? Уж кто-кто, а я должна была бы. Я всегда ненавидела случайности, всегда скрупулезно готовилась к любой встрече и путешествию. Даже такие пустяки, как экскурсия в выходные или обед с друзьями, никогда не пускала на самотек. Ничего в своей жизни не оставляла на волю случая. Я не терпела неожиданностей, считала, что спонтанность – это не для меня.

Эми упрямо твердила о неких ранних предзнаменованиях. По ее словам, они есть всегда. Просто мы слишком глубоко зарываемся в повседневную жизнь, становимся узниками рутины, что сами же и создали, и потому нам не до знаков судьбы.

Не до мелочей, а они бывают весьма красноречивыми.

Эми уверена, что каждый человек – величайшая загадка, в ответе на которую и скрыт истинный смысл жизни. Также

она считает, что никто из нас никогда полностью себя не разгадает и тем не менее наш долг – идти по этому пути. И не важно, сколь длинной окажется жизненная тропа и куда она нас заведет.

Я в этом сомневалась. Воззрения Эми часто расходились с моими. Не скажу, что в ее словах не было крупицы здравого смысла. За прошедшие месяцы могла произойти мелкая неприятность или нечто такое, что навело бы меня на тревожные мысли. Но разве у нас столько времени, чтобы подслушивать внутреннее «я» и искать в его шепоте намеки или подсказки, позволяющие разгадать тот или иной ребус?

Я не из тех, кто склонен любое недомогание считать симптомом нарушения душевного равновесия.

Речь о красных прыщиках, выскочивших у меня на шее. За несколько дней они превратились в жгучую, болезненную сыпь, происхождение которой не мог объяснить ни один врач. Я промучилась больше месяца, а потом сыпь исчезла столь же внезапно, как и появилась. Причины я выяснять не стала. Мало ли какие сбои бывают в организме. То вдруг шум в ушах появится. Или бессонница. Или беспокойство и раздражение, причем – на саму себя. Эти состояния были мне знакомы, и я объясняла их нагрузками на работе. И потом, я не исключение, мои коллеги без конца жаловались на то же самое. Своеобразная дань, взимаемая за высокую зарплату в динамичной фирме. Никому и в голову не приходило жаловаться.

На рабочем столе меня ждало письмо. Оно было в слегка мятом голубом конверте авиапочты. Такие сейчас редко кто использует. Его руку я узнала сразу же. Красивый почерк – атрибут, ныне считающийся излишней роскошью. Но он каждое письмо превращал в миниатюрное произведение искусства. Он не просто писал разборчиво. Его почерк был каллиграфическим. Каждая буква каждого слова воспринималась как подарок. Две страницы, украшенные мелкими аккуратными завитушками. Каждое слово и знак препинания были выведены с таким старанием и любовью, какое может позволить себе лишь человек, для которого сам процесс письма – бесценный дар.

Марка была американской. Скорее всего, он передал письмо кому-то из туристов, считая, что так оно быстрее и надежнее доберется до меня. Я взглянула на часы. Через пару минут – очередное совещание. Однако любопытство пересилило. Я быстро вскрыла конверт и пробежала глазами несколько строк.

Громкий стук вернул меня в реальность. На пороге стоял Маллиган, широкоплечий и мускулистый, он заполнял собой весь дверной проем. Я могла бы попросить его подождать еще чуть-чуть. Объяснить, что получила письмо из Бирмы, от брата. Маленький шедевр, который… Маллиган улыбнулся и, не дав мне рта раскрыть, постучал по стеклу наручных часов. Я кивнула. Маллиган считался у нас лучшим адвокатом и входил в число ассоциированных партнеров фирмы

«Саймон и Кунс». Он был начисто лишен сентиментальности и не ценил каллиграфию. Его собственный почерк не отличался не только красотой, но и даже разборчивостью.

В комнате совещаний пахло свежим кофе. Все расселись по местам. Стало тихо. В ближайшие недели нам предстояло заниматься делом очень важного клиента. Оно было запутанным и касалось нарушения авторских прав и пиратских изданий, вышедших в Америке и Китае. Ущерб исчислялся сотнями миллионов долларов. А времени – в обрез.

Маллиган говорил негромко, однако эхо его голоса откликалось из всех углов комнаты. А я вдруг перестала улавливать смысл его фраз. Я честно пыталась сконцентрироваться на обсуждаемой теме, но что-то отвлекало мое внимание и уводило далеко за стены комнаты и за пределы мира прямых и встречных исков.

Я думала о брате. Видела его перед собой. Мне вспомнилась наша первая встреча в ветхом чайном домике провинциального городка Кало. Он пристально наблюдал за мной, а потом встал и подошел. На нем была когда-то белая, а сейчас пожелтевшая от стирок рубашка, выцветшая лоунджи[1] и стоптанные сандалии. Мой сводный брат, о чьем существовании я не подозревала. Я приняла его за престарелого нищего, пробавляющегося подаянием. «Джулия, вы вери-

---

[1] *Лоунджи* – национальная одежда бирманцев, как мужчин, так и женщин; мужская юбка, представляет собой кусок хлопковой ткани, сшитый по боковому шву. – *Здесь и далее прим. перев.*

те в любовь?» Я и сейчас слышала этот вопрос, словно время остановилось, ожидая ответа. Его вопрос вызвал у меня смех, однако брат не обиделся.

Маллиган нудил о «ценностях интеллектуальной собственности», а я вспоминала первые фразы, произнесенные сводным братом. Я помнила их дословно. Не обращая внимания на мой смех, У Ба сказал, что спрашивает вполне серьезно. «Джулия, я говорю о любви, дарующей зрение слепым. О любви, что сильнее страха. Я говорю о любви, что наполняет жизнь смыслом, противостоит природным законам угасания…»

Я ответила: «Нет». Ни во что подобное я тогда не верила.

Всего за несколько дней У Ба сумел показать мне, как я заблуждалась… С тех пор прошло почти десять лет. Что изменилось? Верила ли я в силу, дарующую зрение слепым? Смогла бы убедить хоть одного коллегу, что человек способен преодолеть эгоизм и корыстные желания? Да меня бы подняли на смех.

Маллиган продолжал распинаться: «Самое значительное дело этого года… таким образом, мы должны…» Я заставляла себя вслушиваться в его слова, но мысли уплывали, как щепки, несомые речной водой.

– Джулия. – Маллиган рывком вернул меня на Манхэттен. – Это в первую очередь касается вас.

Я кивнула, лихорадочно забегала глазами по записям в деловом блокноте, пытаясь отговориться общими фразами…

Мне помешал тихий шепот. Заготовленные слова мигом забылись.

Кто ты?

Слабый, едва различимый, но все-таки шепот.

Кто ты?

Меня спрашивал женский голос, ухитрявшийся при такой тишине говорить достаточно отчетливо.

Я посмотрела направо: кто из коллег отвлекает меня столь странным и неуместным вопросом? Никого. Стул пустовал.

Тогда откуда этот голос?

Кто ты?

Я обернулась налево. Там сидел мужчина и внимательно слушал Маллигана. Получалось, шепот доносился из ниоткуда.

Что этим людям от тебя надо?

Установилась напряженная тишина. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. У меня пылали щеки. Язык присох к нёбу. Я сидела, беспомощно опустив взгляд. Кто-то вежливо кашлянул.

Будь настороже.

– Джулия!

Я не могла вымолвить ни слова. Мне не хватало воздуха. Откуда же взялся голос? Кто со мной говорит? Что понадобилось этой женщине? Почему я должна опасаться своих коллег?

– Джулия, это рабочее совещание. Не бойтесь сказать что-

то не то. Мы вас внимательно слушаем.

Чувствовалось, Маллиган теряет терпение. Покашливания продолжались, выражая недоумение собравшихся.

Будь очень осторожна. Следи за каждым своим словом. Остерегайся того, на кого смотришь.

Я подняла голову. Коллеги, выведенные из привычного ритма, покачивали головами, передергивали плечами. Марк тревожно поглядывал на меня. Во всяком случае, мне так казалось. Фрэнк ухмылялся, будто наперед знал, что однажды я не выдержу напряженного темпа работы и сломаюсь.

Что бы они ни говорили, ни в коем случае им не верь.

От шепота неведомой женщины сжалось горло. Я была парализована. Лица Марка и Фрэнка слились в одно. У меня взмокли ладони. Сердце стучало все быстрее.

– Джулия, вы хорошо себя чувствуете?

Никто тебе не поможет.

– Если вы не возражаете, я…

В комнате вновь воцарилась мертвая тишина. Мои слова прозвучали громче, чем необходимо. Они воспринимались скорее как крик, чем вежливая просьба о внимании. Их взгляды. Зловещая тишина. Закружилась голова, я боялась потерять сознание.

– Хотите воды?

Вопрос был вполне искренним. Может, я себя дурачу? Действительно ли мне нужно быть настороже?

Сейчас – ни слова. Придержи язык.

Передо мной разверзлась бездна. С каждой секундой она становилась все шире. Хотелось спрятаться, уползти. Да что со мной творится? Слышу женский голос, с которым не могу справиться. Такое ощущение, будто незнакомка сидит у меня в голове. Я почувствовала, что становлюсь все меньше. Меньше и беззащитнее. Не могу вымолвить ни слова. Я несколько раз резко прижала ладони к ушам. Этот прием всегда помогал, если в ушах шумело. Потом сделала еще один глубокий вдох, заранее зная, что он не поможет.

Они опасны. Не жди от них ничего хорошего. Их улыбки лживы.

Крик. Попытка прогнать незнакомку. ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ. ЗАМОЛЧИ. СЛЫШИШЬ? Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ТЫ ЗАМОЛЧАЛА.

Мой крик тоже был внутренним. К счастью.

Мы с Маллиганом переглянулись. Я вдруг поняла, что никто из коллег не сможет мне помочь. Нужно бежать с совещания. Куда угодно: в туалет, к себе в кабинет, домой. Главное, не оставаться здесь. От меня ждали идей и предложений. Того, за что мне платили. Моей работы. Если я для нее не годилась, то должна была, по крайней мере, объяснить коллегам свое поведение. Извиниться. Увы, я не могла ни того ни другого. У меня не было сил. Мне нечего им сказать. Тогда я медленно выпрямилась, отодвинула стул и встала. Ноги дрожали.

Что ты делаешь?

– Джулия, как прикажете это понимать?

Я собрала бумаги и пошла к двери. Маллиган что-то кричал вслед, но я не понимала ни единого слова. Выйдя, спокойно закрыла за собой дверь.

И что теперь?

Я вернулась к себе в кабинет, швырнула документы на стол, положила в сумочку письмо У Ба, затем надела пальто. Тихо и без единого слова покинула здание.

Тогда я понятия не имела, что нежданно-негаданно отправляюсь в новое путешествие. И случилось это поздней осенью, в пронзительно-солнечный и холодный день, за неделю до Дня благодарения.

Глава 2

Кало, девятого ноября,
в год две тысячи шестой

Моя дорогая младшая сестра!

Надеюсь, это письмо найдет тебя в добром телесном и душевном здравии. Пожалуйста, прости мое затянувшееся молчание. Я плохо помню, когда в последний раз находил время, чтобы черканутъ тебе несколько строк. Было ли это в летний зной или еще до наступления сезона дождей?

Кажется, с тех пор минула вечность, хотя на самом деле ни в моей жизни, ни в жизни Кало не произошло сколько-нибудь примечательных событий. Жена астролога продолжает болеть и скоро умрет. Дочь владельца чайного домика, где мы с тобой впервые встретились, родила сына. Впрочем, разве не такие же события – смерти и рождения – происходят и в других уголках мира? И все же, как ты помнишь, ритм моей жизни отличается от твоего, в Америке. Скажу честно: я не в силах представить скорость, с какой вращается твой мир.

У меня все хорошо. Продолжаю реставрировать старые книги, хотя время делает любимое занятие все более напряженным и утомительным. И причина тому, сестренка, – мои глаза. Они день ото дня слабеют. Постепенно я при-

ближаюсь к возрасту угасающего света. Положение усугубляется еще и тем, что с некоторых пор моя правая рука начала дрожать, а потому мне труднее вклеивать крошечные кусочки бумаги, латая дыры, которые неутомимо проделывают в страницах прожорливые насекомые. Если раньше на восстановление тома у меня уходило три месяца, сейчас требуется полгода, а то и больше, когда книга отличается внушительным объемом. Но что хорошего мне принесла бы спешка? Я часто задаю себе этот вопрос. Если в чем-то я и не испытываю недостатка, так это во времени. Только в старости мы начинаем его по-настоящему ценить. Я ощущаю себя богачом. Более не смею отягощать тебя описанием старческих болячек! Если я не буду держать свое перо на вожжах, ты начнешь беспокоиться о своем брате, а это излишне. Я ни в чем не нуждаюсь.

Если не ошибаюсь, в Нью-Йорке сейчас осень. В какой-то из своих книг я вычитал, что осень – самое прекрасное время для вашего города. Так ли это? Увы, я очень мало знаю об особенностях твоей жизни.

У нас приближается конец сезона дождей. Небо вновь становится синим и сухим. Температура падает. Недалек день, когда растения в моем саду хватит первый морозец. Знала бы ты, как я люблю созерцать нежную белизну на сочных темно-зеленых стеблях!

Вчера у нас произошло нечто непонятное. На перекрестке, под баньяном, женщина упала замертво. Моя соседка

видела это и рассказала мне, что незадолго до внезапной смерти несчастная вдруг разразилась стенаниями. Женщина вместе с сестрой шла на рынок и вдруг начала терять сознание. Схватившись за сестру, она плакала и умоляла ее простить. По щекам текли крупные слезы величиной с арахис. Так мне сказала соседка, хотя даже я сомневаюсь, что бывают такие слезы. Ты же знаешь, до чего местные жители склонны к преувеличению… Последние минуты умершей были полны странностей. Она вдруг отпустила руку сестры и пошла за незнакомым молодым человеком, выкрикивая имя, которое в нашем городишке никогда не слышали. Молодой человек обернулся. Их глаза встретились, после чего женщина застыла и умерла. Опять-таки со слов моей соседки, «ее как молнией ударило», причем не во время грозы, а в погожий солнечный день. Сестра до сих пор не может прийти в себя от горя. Они много лет жили вдвоем на окраине Кало, вели уединенную жизнь. Подруг у них почти не было. Даже соседи не могли сказать ничего определенного про этих женщин. В наших краях это более чем странно. Обычно все про всех знают. Естественно, происшествие стало главной темой разговоров в нашем захолустье, особенно на рынке и в чайных домиках. Многие утверждают, что молодой человек обладает магическими силами и убил женщину взглядом. Сам он это напрочь отрицает, твердит, что невиновен. И даже временно уехал в Таунджи, к тетке.

А как поживаешь ты, дорогая сестра? Осуществляются

ли ваши с мистером Майклом свадебные планы, о которых ты вскользь писала в предыдущем письме? Или мой вопрос безнадежно запоздал и ты уже замужем? Если так, я от всей глубины своего сердца желаю вам счастья. Несколько лет моей супружеской жизни я вспоминаю как время удивительного, я бы даже сказал, неземного наслаждения.

Мое письмо бессовестно разрослось. Болтливость – бич стариков. Надеюсь, что не отнял у тебя слишком много времени. Спешу закончить. Уже стемнело, а здешнее освещение не отличается надежностью. Лампочка под потолком отчаянно мигает, словно пытается передать некие тайные послания. Однако я подозреваю, что она просто говорит о перепадах напряжения.

Джулия, дорогая моя, да будут звезды, жизнь и судьба благосклонны к тебе. Я думаю о тебе. Я ношу тебя в своем сердце. Береги себя.

Искренне любящий тебя,

У Ба.

Я отложила письмо. Я уже почти не боялась, что неведомый голос вернется. Меня захватила удивительная доверительность брата. Помимо мягкой самоиронии, я остро почувствовала тоску У Ба и глубокую меланхолию. Мне вдруг отчаянно захотелось увидеть его, оказаться рядом! Я вспоминала его старомодную манеру выражаться, беспричинные извинения на каждом шагу. Помню, меня особенно тронули его деликатность и смирение. У Ба жил в маленькой хижине

из черного тикового дерева. Хижина стояла на сваях, между которыми бродили свиньи. Мебель в его жилище была старой, доставшейся от англичан. Я вспоминала кожаное кресло, настолько потертое, что того и гляди обшивка прорвется, обнажив пружины. (До них и так было совсем недалеко.) А его такая же ветхая кушетка, на которой я спала много ночей! Особенностью «гостиной» У Ба был пчелиный рой. Жужжалки вселились в хижину вместе с ним. Помнится, я спросила, нравится ли ему их мед. Меня удивил ответ брата. Оказалось, за все годы он ни разу не притронулся к меду, считая себя не вправе посягать на припасы, которые ему не принадлежат.

Электричество в хижине появилось уже после моего отъезда. А тогда он пользовался масляными лампами. На письменном столе их стояло несколько. У Ба сидел, склонившись над книгами, которых у него было очень много. Книжные полки тянулись до потолка; томики лежали на полу, громоздились на второй кушетке. Страницы книг напоминали перфокарты. У Ба неутомимо возвращал книгам читабельное состояние. У него был целый набор пинцетов, ножницы и две стеклянные баночки. В одной хранился белый клей, в другой – крошечные кусочки бумаги. Я часами наблюдала, как работает У Ба. Подхватив пинцетом бумажный кусочек, брат слегка окунал его в клей, после чего закрывал им очередную дырочку. Дав клею подсохнуть, брал черную шариковую ручку и вырисовывал утраченные буквы. Так он отре-

ставрировал десятки книг.

Жизнь моего брата. Такая непохожая на мою, но пронявшая меня до глубины сердца.

Я перевела взгляд на полку с бирманскими сувенирами. Их наполовину загораживали книги и газеты. Деревянная фигурка Будды – подарок брата. Пыльная лакированная коробочка, разрисованная слонами и обезьянами. Фотоснимок, где я стою вместе с У Ба. Мы фотографировались незадолго до моего отъезда из Кало. Я была на голову выше брата. Для такого события он надел новую черно-зеленую лоунджи, которую накануне выстирал. Голову повязал ярко-розовым платком, как то раньше делали старики народности шан. Вид у брата серьезный и торжественный.

На снимке я очень отличаюсь от себя нынешней. На лице – лучезарная улыбка. Тогда я переживала удивительные дни, воодушевленная историей любви моего отца. Историей, о которой даже не подозревала. Словом, я была воплощением ликования и восторга. Друзья, видевшие фото, с трудом узнавали меня. Когда Майкл впервые увидел снимок, он решил, что я запечатлена с индийским гуру, а восторг приписал духовному экстазу. Потом он часто посмеивался надо мной и говорил, что перед фотографированием я накурилась бирманского опиума.

С того момента прошло десять лет. Десять лет, в течение которых я без конца давала себе слово снова съездить в Бирму, навестить отцовскую могилу и насладиться обще-

нием с У Ба. Обещания передвигались на следующий год. Потом история повторялась. Я дважды заказывала билет и дважды в последнюю минуту отменяла поездку: «непредвиденные обстоятельства» не позволяли уехать. Иногда я даже не понимала, что́ именно удерживает меня в Нью-Йорке. Бирманские воспоминания тускнели, заслонялись рутиной повседневных дел. Намерение наведаться в Кало сменилось расплывчатым желанием, отнесенным на неопределенное будущее.

Я пыталась вспомнить, когда же в последний раз писала У Ба. Он просил у меня прощения за долгое молчание. А ведь это я ему не ответила. Кажется, на два письма. Уже и не помню. Когда я вернулась из Бирмы, первые несколько лет мы регулярно переписывались, но потом стали писать все реже. Каждый год У Ба присылал мне одну из возрожденных книг. Должна признаться, я их только пролистывала. Невзирая на героические усилия брата, книги после его реставрации становились даже хуже. Его нашлепки сразу бросались в глаза. Да и само состояние книг, мягко говоря, не было привлекательным: въевшаяся пыль, выцветшие страницы, грязные пятна. После общения с его подарками я всегда мыла руки. Я сознавала, с какой любовью и искренностью он посылал мне эти томики, и потому каждый из них поначалу занимал почетное место на прикроватном столике. Однако не задерживался там и достаточно быстро перекочевывал в гостиную, чтобы затем улечься в картонную коробку.

Пару раз я передавала У Ба деньги через сотрудника американского посольства в Рангуне – в общей сложности около десяти тысяч долларов. Брат сразу же откликался письмом, где, помимо иных тем, подтверждал их получение. Он сдержанно благодарил, не сообщая, как и на что намерен потратить мой подарок, хотя, по бирманским меркам, это было целое состояние. Похоже, моя помощь даже тяготила его. Больше денег я ему не посылала, и в последующих письмах мы не затрагивали эту тему. В первые годы я часто приглашала его приехать в Нью-Йорк, обещая взять на себя все формальности и финансовые вопросы поездки. Сперва У Ба отвечал уклончиво, но затем, по совершенно непонятным причинам, стал вежливо, но твердо отклонять приглашения.

Сейчас я мысленно задавалась вопросом: почему за десять лет так и не собралась в Бирму? А ведь когда мы прощались, обещала У Ба, что через несколько месяцев обязательно приеду снова. Почему он, человек, которому я больше, чем кому-либо, обязана духовным прозрением, практически исчез из моей жизни? Почему мне, как и многим людям, свойственно откладывать все важное «на потом»? Ответа я не знала. Для себя решила, что в ближайшие же дни напишу У Ба обстоятельное письмо.

Воспоминания о Бирме успокоили меня и отвлекли от сегодняшнего происшествия. Домой я возвращалась на такси. Сидя в машине, написала Маллигану короткое сообщение, объяснив свое поведение приступом головокружения

и пообещав в понедельник дать подробный отчет. Остаток дня я собиралась потратить на уборку квартиры. Вид у нее был плачевный. Приходящая домработница болела, и за две недели ее отсутствия в углах скопилась бахрома пыли. В спальне громоздились неразобранные коробки с моим скарбом. Там же пылились картины, терпеливо ожидая, когда их развесят по стенам. А ведь с Майклом мы расстались четыре месяца назад. Я вернулась в свое прежнее жилье и до сих пор не смогла разобрать перевезенные вещи! Эми утверждала, что облик квартиры отражает нежелание признать разрыв с Майклом. Чушь! Если этот хаос что-то и отражал, то лишь досаду на саму себя. Меня угнетало, что в свои тридцать восемь я торчу в той же квартире, где жила десять лет назад. Возвращение сюда казалось жизненным проигрышем. С Майклом мы прожили четыре года. Все это время квартира оставалась «запасным аэродромом». Но сейчас она колола мне глаза напоминанием о провалившейся попытке устроить личную жизнь.

Почему ты одинока?

Опять этот голос! Уже не шепот, но все равно приглушенный. Он отзывался у меня в голове, вызывая дрожь.

Почему ты одинока?

Мне показалось, что теперь невидимая собеседница стоит совсем близко. Почти рядом. На работе я ощущала дистанцию.

Почему не отвечаешь?

Мне стало жарко. Снова заколотилось сердце. Взмокли ладони. Те же симптомы, что и утром. Я не могла сидеть и потому начала расхаживать взад-вперед по тесной гостиной.

Почему ты одинока?

– Кто тебе сказал, что я одинока?

Может, если ответить, она оставит меня в покое?

Где другие?

– Какие другие?

Твой муж.

– Я не замужем.

И у тебя нет детей?

– Нет.

Ой!

– Как прикажешь понимать твое «ой»?

Никак. Просто… без детей… так грустно.

– Мне – нет.

А где твой отец?

– Умер.

Где твоя мать?

– Она живет в Сан-Франциско.

Разве у тебя нет братьев и сестер?

– Есть. Старший брат.

Тогда почему он не здесь?

– Он тоже живет в Сан-Франциско.

А ты, значит, осталась здесь с тетками и дядьями?

– Нет у меня ни теток, ни дядьев.

Ни теток, ни дядьев?

– Представь себе.

Тогда почему ты не живешь со своими близкими?

– Потому что мне гораздо свободнее дышится, когда нас разделяют тысячи миль.

Значит, ты одинока.

– Ошибаешься. Я не одинока. Просто живу одна.

Почему?

– Мне так нравится.

Почему?

– Ты решила меня доконать своими «почему»?

Почему ты живешь одна?

– Потому что мне осточертело просыпаться по ночам от храпа лежащего рядом мужчины. Потому что по утрам я хочу спокойно читать газету и не поддерживать бессмысленных разговоров. Потому что я не хочу заходить в ванную и видеть в раковине следы мужского бритья. Тебе мало? Могу продолжить. Мне нравится, вернувшись в полночь с работы, ни перед кем не оправдываться. И вообще, это чертовски приятное состояние, когда не надо никому ничего объяснять. Это ты можешь понять?

Молчание.

– Чего ж ты замолчала? Тебе ясны мои ответы?

Ни звука.

– Эй! Ты почему молчишь?

Я стояла и вслушивалась. Монотонно гудел холодильник. Снаружи, из коридора, доносились голоса. Потом хлопнула дверь, и они стихли.

– Где ты?

Зазвонил телефон. Эми. По моему «алло» она сразу поняла, что я выбита из колеи.

– Ты себя плохо чувствуешь?

– Нет, прекрасно.

Почему ты снова врешь?

Это было как удар под дых. Я пошатнулась и едва не потеряла равновесие.

– У меня тут… словом, тут… – ошеломленно бормотала я в трубку.

– Джулия, что случилось? – спросила обеспокоенная Эми. – Давай встретимся. Хочешь, я к тебе приеду?

Сейчас мне хотелось опрометью бежать из своей квартиры.

– Я… Давай лучше у тебя. Когда тебе удобно?

– В любое время.

– Буду через час.

Глава 3

Эми Ли жила в районе Нижнего Ист-Сайда, на последнем этаже трехэтажного дома, где занимала две соседние квартиры-студии. Одна служила жильем, в другой она устроила мастерскую. Все эти годы мне нигде не было столь хорошо, как у Эми. Никто так не возился со мной, как она. Едва ли не каждый уик-энд я проводила на ее диване, где мы валялись, смотря «Секс в большом городе», лакомились мороженым, потягивали красное вино, смеялись над мужчинами и утешали друг друга в минуты душевных страданий.

С Эми я встретилась на первом курсе Колумбийского университета, где мы обе постигали азы корпоративного права. Однажды, заполняя бумаги, мы обнаружили, что родились в один день, только она – в Гонконге, а я – в Нью-Йорке. Эми прожила на родине девятнадцать лет. Затем родители отправили ее учиться в Америку. По словам Эми, гонконгский астролог предсказал ей, что она встретит женщину, с которой родилась в один день, и эта женщина станет ее подругой на всю жизнь. Получалось, нам не оставалось иного, как подружиться.

Я тогда в астрологию не верила, но Эми мне сразу понравилась. Мы с ней удивительно дополняли друг друга. Ни с кем из подруг мне не было так хорошо.

Мы отличались и внутренне, и внешне. Эми – ниже ро-

стом, коренастее. Черные волосы она красила в яркие цвета. И терпеть не могла строить планы, обожала сюрпризы, была легка на подъем и отличалась спокойным нравом. Она называла себя буддисткой, медитировала, что не мешало ей регулярно консультироваться с астрологами. А букет ее суеверий сводил меня с ума. В ее одежде обязательно присутствовало красное. Она никогда не выходила из лифта на девятом этаже и отказывалась садиться в такси, если номер машины оканчивался на семерку.

Эми была единственной, кому я рассказала историю отцовского исчезновения и своих поисков. И она мне безоговорочно поверила. Не усомнилась ни в одном слове, как будто умение слышать биение сердца встречалось на каждом шагу. При этом речь шла о сердце человека, находящегося на другом конце света.

Эми интересовали мельчайшие подробности моего бирманского путешествия, чего я не могу сказать о матери и брате. Те желали знать лишь одно: жив ли отец. Я ответила, что он умер вскоре после внезапного исчезновения из Нью-Йорка. Потом собралась подробно рассказать им, почему отец отправился умирать в родные места. Думала, они забросают меня вопросами, но мои близкие просто отмахнулись. Это стало началом нашего отчуждения. Поиски отца разделили нашу семью надвое. Мать с братом оказались на одной стороне, я и умерший папа – на другой. Эми убеждена, что раскол случился намного раньше, просто я либо не замечала его,

либо отказывалась замечать. Думаю, подруга права. Пять лет назад мать перебралась в Сан-Франциско, поближе к сыну. С тех пор мы виделись не чаще двух раз в год.

Зато Эми была готова бесконечно слушать рассказы о моем отце, о Бирме. Она постоянно спрашивала, когда же наконец я снова туда поеду и увижусь с У Ба. Допытывалась, передалось ли мне отцовское наследие – вера в магическую силу любви? Неужели я растрачу драгоценный дар, погрузившись в водоворот нью-йоркской жизни? Почему я занимаюсь разной ерундой и не думаю о своем предназначении? Как могла, я увиливала от ее вопросов, поскольку не знала ответов. Но это не останавливало Эми, и она исправно забрасывала меня новыми.

В отличие от меня, Эми не любила юриспруденцию. Своим настоящим призванием она считала живопись. Естественно, я допытывалась, почему же она не пошла в художественный колледж? У Эми было два основных ответа, и зависели они от настроения. В одном случае она говорила, что взялась изучать право под нажимом родителей. В другом – из любви к ним. Тем не менее училась Эми прилежно и считалась одной из лучших на нашем потоке.

За месяц до выпускных экзаменов отец Эми погиб в авиакатастрофе. Она первым же рейсом вылетела в Гонконг, пробыла там два месяца. Вернувшись обратно, заявила, что с ее учебой и юридической карьерой покончено. Получать диплом она не собиралась. Жизнь слишком коротка, чтобы де-

лать броски в сторону. Если у тебя есть мечта, нужно ее реализовывать.

С тех пор Эми вела жизнь свободной художницы, продавая картины на Бродвее. Общаться с владельцами галерей она наотрез отказывалась. Выставки и высокие заработки ее не интересовали. Она твердила, что пишет для себя и никогда не станет работать на заказ. Среди моих друзей и знакомых Эми – самая свободная личность.

Дверь в ее мастерскую была приоткрыта. Эми ненавидела закрытые двери и любые замки. По ее стойкому убеждению, все, кто дрожит над имуществом и отгораживается хитроумными запорами, рано или поздно теряют деньги, а то и крышу над головой. Эми даже отказывалась прикреплять цепью велосипед. И она была единственной из моих друзей, у кого ни разу его не воровали.

Когда я вошла, Эми сидела на вращающемся стуле перед мольбертом. В новой картине преобладали темно-оранжевые тона. Ярко-рыжими стали и ее волосы, убранные в конский хвост. Одета Эми была в выцветшие спортивные брюки и балахонистую белую футболку, заляпанную разноцветными пятнами. В комнате пахло масляными красками и олифой. Пол – тоже заляпан. У стен на подрамниках стояли картины, многие – в красных тонах. Эми говорила, что, на свою беду, глубоко увязла в Барнетте Ньюмане[2] и мучительно про-

---

[2] *Барнетт Ньюман* (1905–1970) – известный американский художник-абстракционист.

ходит «ньюмановский» этап творчества. Вместо полос она теперь изображала круги. Еще немного, и мне придется называть ее Бернадетт Ньюман. Муки творчества скрашивал голос Джека Джонсона, доносившийся из колонок музыкального центра.

От моих шагов скрипнули деревянные половицы, и Эми повернулась. Ее темно-карие, почти черные, глаза удивленно распахнулись.

– Джулия, кто тебя так напугал?

Я рухнула в старое кресло. Мои руки были холодными, как ледышки. В глазах стояли слезы. Напряжение последних часов начало спадать. Несколько секунд Эми с тревогой рассматривала меня, затем, оттолкнувшись ногами, подъехала ближе:

– Что у тебя стряслось?

Я беспомощно пожала плечами.

– Попробую угадать. Маллиган выпер тебя коленкой под зад.

Я качнула головой.

– Умерла твоя мать.

Я снова покачала головой, сдерживая рыдания.

– Значит, случилось что-то серьезное! – глубоко вздохнув, заключила Эми.

Наверное, в Эми меня больше всего притягивало ее своеобразное чувство юмора.

– Выкладывай, что стряслось.

– Сначала скажи, какой у меня вид? – уклонилась я от ответа.

– Как у перепуганной курицы.

Некоторое время я переваривала услышанное. Эми терпеливо ждала.

Трудно было высказать вслух мысль, уже час не дававшую мне покоя.

– По-моему, я схожу с ума.

Эми смерила меня задумчивым взглядом:

– И с чего ты решила?

– Кажется, меня кто-то преследует.

– Сталкер-незнакомец? А он симпатичный?

– Все гораздо хуже. Я слышу голоса.

Признание заставило меня сжаться. Было неловко рассказывать о случившемся даже Эми.

– И давно? – спокойным голосом спросила подруга.

Удивления на лице больше не было.

– С утра. – Я рассказала обо всем, что произошло на работе и дома.

Эми сидела неподвижно, внимательно слушая. Иногда кивала, будто такие вещи были ей знакомы. Когда я закончила, она встала, отложила кисть и начала расхаживать между картинами – признак напряженных раздумий.

– Это у тебя впервые? – остановившись, спросила подруга.

– Да.

– Она тебе угрожала?

– Нет. С чего бы?

– Оскорбляла?

– Это как?

– Например, обзывала тебя никчемной шлюхой? Или дерьмовым юристом? Или говорила, что очень скоро все поймут, какая ты идиотка?

– Нет, ничего подобного, – смущенно покачала я головой.

– Она тебе что-нибудь приказывала?

Я не понимала, куда клонит Эми.

– Она могла тебе приказать выплеснуть кофе в физиономию Маллигану. Или выпрыгнуть из окна.

– Нет. Эми, откуда ты набралась такой чепухи?

Подруга задумчиво посмотрела на меня:

– А что вообще говорит этот… женский голос?

– Разговорчивой ее не назовешь. В комнате совещаний она предостерегала меня насчет коллег. Говорила, им нельзя доверять. А дома задавала вопросы.

– Какие?

– «Кто ты? Почему живешь одна? Почему у тебя нет детей?»

– Любопытные вопросы, – облегченно улыбнулась Эми.

– И чем же?

– Я знаю кое-кого, кому были бы интересны ответы. Скажи, наши с ней голоса звучат похоже?

– Хватит потешаться надо мной!

Неужели чуткая Эми не понимала, как я сейчас нуждалась

в поддержке?

Эми присела на подлокотник кресла и принялась гладить меня по волосам:

– Я не смеюсь над тобой. Но в этих вопросах нет ничего опасного. Я боялась худшего.

– Куда уж хуже?

– Когда человек слышит голоса, это зачастую говорит о нарушениях в психике. Типичный симптом начинающейся шизофрении. Последствия порой трудно предугадать. Лечить таких людей нелегко. Однако шизофренику голоса всегда чем-то угрожают. Отдают приказы. Требуют, чтобы человек спрыгнул с крыши или ударил ножом соседа. Меланхоликам голоса сообщают обидные и оскорбительные вещи. Но твой случай отличается.

– Откуда ты так много знаешь? – удивилась я.

– Разве я тебе не говорила, что мой отец тоже слышал голоса?

– Ни разу.

– Я сама не знала. Мама рассказала через несколько лет после его гибели. Тогда я стала читать об этом. Изучила все, что сумела найти.

– Значит, твой отец был… шизофреником?

– Нет. Думаю, его странность была безобидной.

– И как он с этим справлялся?

– Никак.

– Никак?

– Я подозреваю, папа воспринимал голос как некоего доброжелателя, время от времени подающего советы… К сожалению, он не всегда им следовал, – немного помолчав, добавила Эми.

– Например?

– Мама рассказывала, что в день катастрофы голос настоятельно советовал отцу вернуться. Просил отложить полет и ни в коем случае не садиться в этот самолет. Отец даже позвонил маме из аэропорта и рассказал.

– Почему же он не послушался? – спросила я.

Что-то мешало мне до конца поверить словам подруги.

– Если бы я знала! – вздохнула Эми. – Наверное, не хотел, чтобы голос слишком уж управлял его жизнью. Кому понравится, когда указывают, в каком самолете лететь, а в каком – нет?

– Почему ты до сих пор не говорила мне об этом?

– Я думала, что давно рассказала. Или… наверное, решила, что ты мне не поверишь, вот и промолчала.

Я сомневалась, верю ли сейчас. Мне снова вспомнился бирманский брат. Однажды он сказал: «Не все истины поддаются объяснению, и не всё, что поддается объяснению, является истиной». Вернувшись из Бирмы, часто ли я вспоминала эти слова? Самое странное: в Кало я вроде понимала суть изречения. В том мире, наполненном суеверными людьми, слова У Ба имели смысл. Однако в Нью-Йорке меня начали одолевать сомнения. Почему же то, что подда-

ется объяснению, не может быть истинным? Почему невозможно объяснить все истины? Потом я решила, что они могут иметь географическую принадлежность. Возможно, существуют свои, местные правды. Тогда понятно, почему в Кало что-то воспринимаешь как откровение, а в Нью-Йорке это становится бессмысленным.

– Ты мне не веришь, – сказала Эми.

– Почему же?.. В общем-то, да. Я верю тому, что рассказала твоя мама, но мне трудно представить, как некий голос убеждал твоего отца не садиться в самолет, который затем разбился.

– Что тут сложного?

– Ты же меня знаешь. У меня слишком рациональные мозги, чтобы верить в такие вещи.

– Твой отец слышал стук сердец других людей. Умел различать бабочек по шороху их крылышек. Как ты это объяснишь?

– Никак. Но это не значит, что я должна покупаться на разные… – Я подыскивала слова, которые бы не обидели Эми.

– …эзотерические глупости, – докончила за меня подруга.

– Вот именно, – подтвердила я и невольно засмеялась.

– Никто тебя об этом и не просит, – продолжала она. – Но теперь ты слышишь голос. И вся твоя рациональность не может этого объяснить. Так?

– Так, – промямлила я.

Мы опять замолчали, погрузившись в размышления.

– Может, куда-нибудь сходим? – встав, предложила Эми. – Посидим, выпьем.

– Я лучше у тебя посижу. Не хочу туда, где людно и шумно.

Эми понимающе кивнула:

– Сделать эспрессо?

– Я бы не отказалась от рюмочки вина.

– Это даже лучше.

Эми прошла в кухонный закуток, откупорила бутылку красного вина, прихватила шоколад и орехи. Наполнив рюмки, зажгла две свечи. Мы взяли подушки и умостились на полу. Мы любили такие посиделки. С Эми хорошо не только говорить, но и молчать. Когда мы вдвоем, тишина теряет власть надо мной.

– Ты и сейчас слышишь ее голос? – через некоторое время спросила Эми. Я вслушалась в себя и покачала головой. – Скверно. А я надеялась переброситься с ней парой фраз.

Я поморщилась. Хорошо ей шутить.

– Она ничего не говорит. Только спрашивает.

– Я вот подумала: а вдруг этот голос зазвучал в твоей голове не просто так?

«Я вот подумала» – любимая фраза Эми. Обычно она так говорит, когда ее вопрос на самом деле – утверждение. Почему бы не сказать напрямую: «Джулия, эта дама возникла в твоей голове с некой целью»?

– Считаешь, что голос зазвучал с определенной целью? С какой?

– Мой отец крайне неохотно говорил о своем. Но с маминых слов я поняла, что он никогда не воспринимал голос как угрозу. Отец считал его кем-то вроде неразлучного спутника, который регулярно ведет с ним беседы.

Я замотала головой. Хотелось услышать совсем другое. Впрочем, я толком не знала, какие слова подошли бы мне в той ситуации. Наверное, я ждала простого сочуствия и заверения, что через несколько дней все пройдет. Я инстинктивно стремилась низвести непрошеный голос на уровень обыденных вещей вроде простуды или гриппа.

– Мне не нужна неразлучная спутница. Во всяком случае, не такая, которую нельзя ни увидеть, ни потрогать.

Эми потягивала вино, думая над моим словами.

– А что, если ты ответишь на ее вопросы? Может, отвяжется?

– Я пробовала и получила кучу новых.

Эми снова задумалась.

– Почему ты боишься этого голоса? – вдруг спросила она.

– Да потому что он… неуправляемый.

– И для тебя это очень плохо?

– Да! – почти выкрикнула я. – Представляешь, я сегодня была вынуждена уйти с важного совещания! Встала и ушла, ничего не объясняя.

– Как будто только у тебя бывают головокружения. Мал-

лиган закроет на это глаза.

– Один раз – возможно. А если такой фокус повторится? Мы сейчас вплотную заняты очень важным иском о нарушении авторских прав. Каждый день на счету. Наш клиент – человек с именем. Помочь ему выиграть процесс – дело профессиональной чести. У каждого из нас свой участок работы. В том числе и у меня. Только представь: идет очередное совещание. Каждый отчитывается о сделанной работе. Доходит очередь до меня. Я встаю, начинаю говорить. Что, если в разгар выступления эта особа опять влезет с идиотскими вопросами?

– Ты спокойно скажешь ей, что тебе сейчас некогда, и попросишь обождать.

– Она меня не слушает.

– Тогда просто не обращай на нее внимания.

– Эми! – завопила я. Почему даже лучшая подруга не понимает безнадежности моего положения? – Я не могу посреди выступления умолкнуть и погрузиться во внутренний диалог. Я ведь не перед холстом стою. Это работа в команде! На меня рассчитывают. В конце концов, мне за это платят. Я больше ничего не умею. У меня нет иного выбора.

– У нас всегда есть выбор, и не один.

Пожалуй, это было самой горячей точкой наших разногласий. Порой мы спорили до хрипоты. Эми не из тех, кто готов подчиняться давлению окружающего мира. Она считает, все мы несем ответственность за свою судьбу. И никак иначе.

По мнению Эми, каждое наше действие – следствие правильного или неправильного выбора. Но выбор всегда делаем сами, говоря «да» или «нет».

Жизнь слишком коротка, чтобы петлять и делать броски в сторону.

Если у тебя есть мечта, нужно жить сообразно ей.

Я допила вино и налила себе вторую рюмку:

– Этот голос мне мешает. Понимаешь? Я хочу знать, откуда он и как от него избавиться. И как можно скорее.

– Тогда обратись к психотерапевту. Он поможет, хотя бы временно. Пропишет таблетки.

По ее глазам и изгибу губ я видела, сколь сильно она сомневается в помощи психотерапевтов.

– Я подумаю об этом. И все-таки что посоветуешь мне ты?

– Уверена: голос появился не просто так, а с определенной целью.

Это я уже слышала. Сказала бы лучше: «Сама не знаю».

– И что же это за цель?

Эми сразу уловила мой скептицизм. Да я его и не прятала.

– За прошедший год ты много пережила. Многое потеряла… – Она многозначительно умолкла.

Наш разговор свернул не туда. Существовали темы, которые мне не хотелось обсуждать ни с кем. Даже с Эми.

– Я знаю, куда ты клонишь. Но голос не связан с тем, что произошло весной.

– Уверена?

– Абсолютно. А ты почему сомневаешься?

– Просто мысль мелькнула, – пожала плечами Эми.

Долгое время мы молча потягивали вино, закусывая орехами.

– Ты слишком требовательна к себе, – наконец сказала Эми.

– По-моему, этим отличается большинство людей.

– Чепуха. Из всех, кого я знаю, у тебя самый высокий уровень самодисциплины. Ты несешься по жизни, не позволяя себе остановиться и отдохнуть.

– Не далее как летом мы с тобой ездили на Лонг-Айленд, – напомнила я.

– И провели там всего два дня. Пришлось вернуться раньше, поскольку ты срочно понадобилась Маллигану. Ты, когда рассталась с Майклом и вернулась в свою квартиру, даже не разобрала коробки. Сидела прямо на них и писала письма клиентам, поскольку сроки поджимали и их никак нельзя было перенести.

– Их действительно нельзя было перенести, – вяло возразила я.

– Ты мучительно расставалась с мужчиной, с которым прожила почти четыре года. Маллиган видел, в каком ты состоянии. У вас полным-полно других юристов. – (Я кивнула.) – Возможно, этот голос – знак…

– Считаешь, что он – подавляемая часть моей личности? Или часть моего «я», на которую я долгое время не обращала

внимания? Но я же не веду внутренний диалог с собой. Голос вполне реален. Я его слышу и могу описать.

– Давай.

– Он принадлежит даме, которая старше меня и довольно серьезна. Для женского голоса он низковат. И к тому же весьма суров.

На сей раз подруге было нечего сказать.

– Я боюсь, – призналась я.

Эми кивнула. Ее взгляд скользнул за мою спину, к большой картине на стене. На темно-красном фоне был изображен светло-красный крест. К кресту она приклеила пучок куриных перьев, тоже выкрашенных в алый. Картина называлась «Будда в курятнике».

– Я собираюсь к нашим. Поехали со мной.

Я покачала головой. Эми регулярно ездила на медитации в буддистский центр на севере штата. Она не уставала приглашать меня, но я всегда отказывалась. Мне было трудно представить, как Эми могла просидеть целый час или больше, ни о чем не думая. Я несколько раз пыталась заняться йогой. И на меня постоянно обрушивался шквал мыслей, образов и воспоминаний. Все призывы успокоить ум оказывались безрезультатными. Голова распухала, угрожая лопнуть. Через несколько минут я тихо уходила из зала. По мнению Эми, мне просто нужно было найти хорошего преподавателя, однако я сомневалась, понимая, что дело не в преподавателе, а во мне.

В теле появилась противная слабость – привет вину. Наверное, придется брать такси.

– Мне пора.

– Если хочешь, оставайся ночевать, – предложила Эми.

– Спасибо. Но я решила завтра встать пораньше и разгрести дела. Если останусь, мы опять проболтаем до утра.

Эми улыбнулась и взяла меня за руку. Мне было очень приятно ее прикосновение. Я почти решила остаться, но потом вспомнила пыльные углы в своей квартире. Хватит жить в свинарнике!

Такси вызывать не стала, решив, что прекрасно дойду пешком… Я двинулась по Ривингтон-стрит и едва успела пройти квартал, как снова услышала голос.

Кто ты?

Глава 4

Насколько тонка стена между нами и безумием? Никто не знает, из чего она сделана и какое давление выдержит… пока не рухнет.

Мы все живем на грани безумия.

До него – всего шаг. Шажок даже. Одни это чувствуют, другие – нет.

Я встала в свое обычное субботнее время, то есть поздно. Зачем сбивать привычный ритм выходных? Поздний завтрак, неспешное пролистывание газеты, пара электронных писем друзьям, стирка. И тем не менее с каждым часом становилось все тревожнее. Я больше не верила во внутреннюю тишину. Чувствовала, что некая невидимая сила следит за каждым моим движением. Хозяйка голоса никуда не исчезла – в этом я не сомневалась. Она лишь выбирала время, чтобы вновь пристать ко мне с вопросами.

На столе лежал черновой вариант искового заявления от имени нашего клиента. Тут же громоздилась куча документов и деловой переписки. Вчера я соврала Эми и самой себе. Не буду я вытирать пыль по углам. Меня ожидал плотный рабочий уик-энд.

Почему у тебя нет детей?

Я испуганно вздрогнула. Вслушалась в звуки окружающего мира. Из соседней квартиры доносилась приглушенная

игра на пианино. Мягко шелестел лифт. По Второй авеню, воя сиреной, неслась полицейская машина. Голос повторил вопрос. Казалось, невидимая женщина стоит у меня за спиной и говорит в ухо. Хотелось защититься. Но как? И против кого?

Почему нет детей? Меня всегда бесил этот вопрос. С чего вдруг женщина должна оправдываться за бездетную жизнь? Почему-то ни у кого не возникало мысли спросить у какой-нибудь мамаши, зачем ей дети. И с чего вопрошающую зациклило на этой теме? Я сделала вид, что не слышу.

Ты не должна жить одна. Это плохо.

Голос стал резче. Она впервые не спрашивала. Она, видите ли, предписывала, как мне жить. Я вспомнила слова Эми. Поговорить с невидимой женщиной. Послушать, что́ скажет в ответ.

Ты должна…

– Откуда ты?

Молчание. Я повторила вопрос и стала ждать, одновременно сознавая глупость ситуации. Как будто она должна отвечать на мои вопросы!

Я… я не знаю.

– Почему?

Я не помню.

– Что тебе нужно от меня?

Ничего.

– Тогда зачем ты третий день подряд задаешь вопросы?

Я хочу знать, кто ты.

– Для чего?

Я живу внутри тебя. Я – часть тебя.

– Нет!

Я – часть тебя.

– Неправда! Я себя знаю.

Ты в этом уверена? Кому удавалось познать себя?

– Ты чужая мне, – не сдавалась я.

Я – часть тебя и всегда буду такой.

Меня начинало тошнить.

– Если ты – часть меня, в таком случае изволь закрыть рот и не мешать мне.

Я – часть тебя, но ты не можешь повелевать мной. Я сама себе хозяйка.

У меня задрожали руки.

Чего ты боишься?

– С чего ты взяла, что боюсь?

Тогда почему ты дрожишь?

– Мне холодно.

Чего ты боишься?

– Ничего! – отчеканила я.

Боишься. Мне хорошо знаком страх.

Эта фраза дала мне необходимую паузу, позволив перейти в наступление.

– Откуда он тебе знаком?

Молчание.

Страх был моим постоянным спутником. Я потеряла все.

– Что именно?

Все. Все, что я знаю.

Она замолчала. Я ждала, не продолжит ли? Мне не сиделось на месте. Я вскочила, стала нервно расхаживать взад-вперед.

– Что ты потеряла? Откуда ты? Скажи что-нибудь.

Внутри меня было тихо.

– Почему не отвечаешь?

Собственный вопрос заставил меня насторожиться. Что со мной? С кем я разговариваю? Возможно ли, что начиная с пятницы моя личность расщепилась надвое? Наконец, каковы признаки шизофрении?

Я включила ноутбук, полезла в «Гугл». «Википедия» определяла шизофрению как «психическое состояние, характеризующееся нарушением процесса мышления и ослаблением эмоциональной восприимчивости». Часто заболевание проявляется внезапно, без каких-либо предварительных симптомов. «Наиболее характерными признаками шизофрении являются слуховые галлюцинации, неестественные и нелепые представления о самом себе и окружающем мире, хаотичность в речи и мыслях».

Может, лучше не лезть в дебри? Значит, галлюцинации. А им что свойственно? Не без внутренней дрожи я прочла: «Присутствует… убежденность, будто кто-то вкладывает в

разум человека определенные мысли или забирает их оттуда… слуховые галлюцинации… больной утверждает, что слышит голоса, обсуждающие его мысли и действия… На ранних стадиях шизофрении больному назначаются нейролептические препараты, часто в сочетании с психологической и социальной помощью. При заметном обострении болезни и ухудшении состояния больного показана госпитализация: добровольная или принудительная (если законодательство о психическом здоровье это допускает)».

С каждой прочитанной фразой я чувствовала себя все паршивее. Я не страдала психозами. У меня не было галлюцинаций. И женский голос я не придумала. Он действительно звучал внутри.

Я полезла на сайт Amazon.com в поисках книг, где рассказывалось бы о «слышании голосов». Таковые нашлись: «Лечение шизофрении», «Лечение галлюцинаций» и «Услышать голос Господа». У этих был самый высокий рейтинг, однако ни одна из них не имела отношения ко мне.

Тогда я набрала в «Гугле» «слышание голосов» и получила более миллиона ссылок. На первом месте стояла одноименная радиопередача. Дальше шли сайты, обещавшие «информацию, поддержку и понимание для людей, слышащих голоса». Сайт с ободряющим названием «Неверный диагноз» (из этих слов состоял и его адрес – WrongDiagnosis.com) называл семь заболеваний, при которых человек слышит голоса, и предлагал методы лечения. Я

перешла по ссылке.

«Причины: шизофрения, психоз, психотическая депрессия, галлюцинации».

Я закрыла страницу и выключила ноутбук. Не хотела иметь ничего общего с тем миром. Я не страдала расстройствами психики. У матери бывали депрессии, и она принимала флуоксетин. Депрессиями страдала жена моего американского брата и кое-кто из коллег на работе. Но у меня их никогда не было.

Я не верила ни в высшие силы, ни в «третий глаз».

Какой уж тут проект искового заявления! Тревога не выпускала меня из цепких когтей. И тогда я окунулась в домашние дела, превратившись в домохозяйку, одержимую чистотой и порядком. До блеска отмыла полки в кухонных шкафчиках. Начистила туфли и сапоги. Придирчиво пересмотрела гардероб, отобрав то, что никогда уже не надену.

А потом отправилась на пробежку в Центральный парк. Я мчалась, не в силах остановиться. Ноги меня не слушались. Я пробежала втрое больше обычного. Никогда не думала, что у меня на это хватит сил. Неслась и неслась, не обращая внимания на боль в ногах и колотящееся сердце. Что-то заставляло меня продолжать этот бег. Только судороги в стопах наконец заставили остановиться. Это было возле Земляничной поляны. Я прислонилась к дереву, и тут меня вытошнило.

В ночь на воскресенье я проснулась от жалобных всхлипываний. Первой мыслью было: приснилось. Затем почему-то решила, что плачет лежащий рядом Майкл. Глупость, конечно, однако я включила ночник и убедилась, что в кровати лежу одна. Рыдания между тем стали громче. Я вылезла из постели, решив, что они доносятся снаружи. На площадке было тихо. За дверью соседей ни звука. Плач звучал внутри меня, становясь все громче.

Нет, этому нужно положить конец и немедленно, иначе я и правда сойду с ума.

– Эй! Кто ты?

Рыдания усилились. В них не чувствовалось ни злости, ни ненависти. Так плачут люди, чьи страдания невыносимы.

– Это ты? Почему не отвечаешь мне?

Но ответом был лишь душераздирающий рев. Он действовал не столько на слух, сколько на сердце. Душу разрывала чужая боль. Горе, которое я стремились подавить и загнать поглубже. Я не вынесу этого. Еще немного – и сама заплачу. Я повключала везде свет, затем на полную мощность врубила радио. Музыка заглушила внутренние рыдания, но очень скоро отреагировал внешний мир. В дверь позвонили. Двое заспанных и сердитых соседей желали узнать, не спятила ли я окончательно.

И тогда я поняла, что одна не справлюсь. Мне требовалась помощь.

Глава 5

В кабинет доктора Эриксона я вошла, сжавшись в комок нервов. Это было в понедельник, около одиннадцати утра. Воскресный день превратился в сплошную пытку. Я не могла ни на чем сосредоточиться. Любые порывы к работе тут же пресекались вопросом или суждением невидимой женщины. Ночью я почти не спала, а рано утром позвонила Маллигану и сказала, что мне стало хуже: головокружение усилилось, начались боли в животе, придется отправиться к врачу. Врать было противно и унизительно, но как сказать правду, да еще и Маллигану?

Доктор Эриксон был психотерапевтом. Визит к нему устроила Эми, чей брат страдал психозом и лечился у этого врача. Уж не знаю, как ей удалось договориться на понедельник.

Он сам открыл дверь. Высокий, атлетического сложения мужчина, пятью или шестью годами старше меня. Крепкое рукопожатие и уверенный взгляд немного успокоили. Доктор провел меня в комнатку с белыми стенами и двумя консольными стульями. Предложил сесть, а сам расположился напротив с блокнотом в руках. Затем спросил о причине визита.

Я рассказала обо всем, что произошло со мной за три дня. Эриксон внимательно слушал, делая пометки в блокно-

те. Иногда задавал уточняющий вопрос.

– Мне этого не выдержать, – завершила я рассказ. – Я очень рассчитываю на вашу помощь.

– В ней можете не сомневаться. – Он пристально посмотрел на меня. – Сейчас есть новые нейролептические препараты, которые творят чудеса.

Он пытался меня успокоить, однако эффект получился обратный. Мне стало еще тревожнее.

– Слышание голосов не такое уж редкое явление, как вам могло показаться. Оно не обязательно говорит о нарушениях психики. Это может быть симптом соматического заболевания. Болезни Альцгеймера, например. Или болезни Паркинсона. Может указывать на опухоль в мозгу. Разумеется, не исключены и психические нарушения. Есть и другие причины. В большинстве случаев все лечится современными препаратами. Скажите, вы сейчас принимаете какие-нибудь лекарства?

– Иногда ибупрофен от боли в спине. Больше ничего.

– А наркотики?

– Нет.

Я заметила маленькое пятнышко на своих брюках и тщетно пыталась его оттереть.

– Выпиваете?

– Да. Но немного.

– Что значит «немного»?

– Бокал вина за обедом. Иногда два.

– Когда в последний раз вы находились в состоянии сильного алкогольного опьянения?

– Не помню. Давно. В студенческие годы.

Он торопливо кивнул:

– Некоторые наркотики вызывают галлюциногенные эффекты. Чаще всего – слышание голосов.

Неужели он заподозрил во мне наркоманку?

– Вам знаком этот голос? – спросил доктор Эриксон.

– То есть?

– Иногда люди слышат человека, который уже умер. Например, друга, отца или матери, мужа или жены.

– Четырнадцать лет назад у меня умер отец. С тех пор я не теряла близких.

– Следовательно, вы не знаете человека, которого слышите.

– Нет. Добавлю, что голос мне ничего не приказывает и не оскорбляет.

Доктор Эриксон улыбнулся:

– Вижу, вы успели немного познакомиться с этой сферой. Скажите, у вас возникало ощущение, что другие люди способны читать ваши мысли?

– Нет.

– А что другие могут влиять на ваши мысли?

– Нет.

– Чувствовали вы когда-нибудь, что за вами следят?

– Никогда. Этот голос меня не преследует. Он… просто

есть.

– А у вас не возникало ощущения, что другие люди как-то влияют на ваши мысли?

– Разве это не происходит постоянно? По-моему, с самого детства кто-то на них да влияет.

Доктор Эриксон слегка улыбнулся. Во взгляде по-прежнему сквозило недоверие.

Мое беспокойство нарастало. Я раскрыла перед этим человеком душу. По крайней мере, часть ее. Мне вдруг показалось, что этого делать не следовало. Может, пора попрощаться? Уйти не сложно, но тогда я снова останусь один на один с голосом. Нет, мне необходима профессиональная помощь.

– Откуда исходит этот голос? – помолчав, спросила я. – Как от него избавиться?

Он задумчиво раскачивался на стуле:

– Судя по тому, что я услышал от вас, могу предположить, что это всего лишь психоз или состояние, близкое к психозу.

– Что это? Чем вызвано?

– Причин много, и они разные. Психоз может возникнуть в результате стрессовой ситуации. Кризис переходного возраста. Очень много психозов бывает у подростков. Они рвутся к самостоятельной жизни, но отъезд из родного дома становится болезненным фактором. Новая работа, переезд на новое место – все это тоже вызывает психозы. И конечно же, смерть близкого человека, о чем я говорил. Может, в тече-

ние нескольких последних месяцев у вас были неприятности? Эмоциональное перенапряжение?

– Нет.

– Естественно, я не исключаю и вероятности шизофрении. Однако ваши описания голоса свидетельствуют против такой возможности. Чтобы поставить точный диагноз, я должен больше узнать о вас и понаблюдать, как поведет себя этот голос. Тогда будет видно. – Увидев страх в моих глазах, доктор Эриксон поспешил добавить: – Не беспокойтесь. Уже сейчас я могу прописать вам лекарства. Скажите, в вашей семье кто-нибудь страдал от психических заболеваний?

– У матери бывают депрессии.

– С какого времени?

– Сколько помню, всегда были.

– У вас тоже?

– Нет.

– А у братьев и сестер?

– Тоже нет.

Психиатр задумчиво кивнул и что-то пометил в блокноте:

– Кто-нибудь из ваших родственников слышит голоса? Или слышал раньше? Может, вы этих людей уже не застали, но вам рассказывали.

– Мой отец слышал стук сердец, – не подумав, выпалила я.

Доктор Эриксон улыбнулся. Он посчитал это шуткой, но мне было не до веселья. Спросил – теперь слушай ответ.

– Позвольте вам кое-что рассказать. Мой папа родился

в Бирме. Своего отца он потерял еще в детстве, тот погиб от несчастного случая. Вскоре он остался и без матери. Она просто сбежала в уверенности, что сын – причина всех ее несчастий. Мальчика воспитывала соседка. В восемь лет мой отец ослеп, зато у него развился необыкновенный слух. Он различал птиц по хлопанью крыльев. Слышал, как паук плетет паутину.

Я умолкла. Хотелось понять, как доктор воспринимает мой рассказ. Эриксон смотрел в недоумении. Чувствовалось, он не верил ни одному моему слову.

– Помимо множества других звуков, отец мог слышать стук сердец.

– Стук? – повторил доктор Эриксон, словно желая убедиться, не ослышался ли.

– Да. Отец узнавал людей по стуку их сердца. Он понял, что у каждого человека он свой. Музыка этих ударов, как и голос, был для него окном во внутренний мир человека. Потом он влюбился в девушку. Его очаровала красота ее сердцебиения. Он говорил, что никогда не слышал ничего красивее.

– Очень интересно, – с напряжением произнес психиатр. – Наверное, у вас есть и другие фантазии? Может, видите то, что окружающим недоступно?

Его вопросы меня не смутили и не остановили. Я продолжала:

– Девушку звали Ми Ми. Она была очень красивой, но

не могла ходить из-за врожденного дефекта ног. Мой отец носил ее на спине. Был ее ногами, а она – его глазами… Если вы понимаете, о чем я говорю.

– Конечно, мисс Вин.

– Впоследствии отцу вернули зрение, но изумительный дар слуха исчез. Нет, он не оглох. Просто той предельной остроты слуха уже не было.

– А вы? Тоже слышите стук сердец? – осторожно спросил доктор Эриксон.

– К сожалению, нет.

Психиатр взглянул на часы. Я поняла: моему рассказу он не поверил.

Что тебе здесь понадобилось?

Опять! Этого я боялась больше всего.

«Замолчи! Здесь говорю я».

Чего ты хочешь от этого человека?

«Помощи. Мне нужна помощь».

Ты не нуждаешься в ней.

«Еще как нуждаюсь».

Этот человек тебе не поможет.

«Почему?»

Из твоего рассказа он не понял ни слова. Он думает, люди видят глазами. Как же он поможет?

«Откуда ты знаешь?»

Это ясно как день.

– Мисс Вин, вам нехорошо?

– Почему вы так решили? – насторожилась я.

– Вы побледнели. У вас дрожат губы. Опять слышите голос? – (Я кивнула.) – И что он говорит?

– Что я не нуждаюсь ни в какой помощи.

Доктор Эриксон улыбнулся. На его лице было написано: «Так я и знал».

– А еще?

– Говорит, вы не в состоянии мне помочь.

– Почему? Ваша, так сказать, собеседница не назвала причину?

Скажи ему правду. Скажи, что он тебя не понимает.

Я подумала, но соврала:

– Нет, не назвала.

– Я предполагал. Голос внутри вас чувствует угрозу, исходящую от меня. Типичная защитная реакция.

Он сам сумасшедший.

– Постарайтесь игнорировать этот голос.

– Будь это так просто, я не сидела бы у вас в кабинете.

– Я не сказал, что будет легко. Но попробуйте. Я сейчас обрисую вам стратегию вашего поведения. Пусть голос говорит. Не прислушивайтесь к нему. Что бы он ни сказал – это ерунда, которая не имеет к вам отношения.

Он сам не понимает, о чем болтает его язык. Зачем ты пришла к безумцу? Поверь мне, он настоящий Сайя Гуи.

Кто такой Сайя Гуи? Наверное, У Ба знает. Может, и Эми о нем известно? У меня кружилась голова.

– Я выпишу вам оланзапин. – (Мне казалось, что я слышу доктора Эриксона откуда-то издалека.) – Примете сегодня пять миллиграммов. Эту же дозу станете принимать по вечерам в течение семи дней. Лекарство эффективное, оно вам поможет. К сожалению, у него есть и побочные эффекты. В первые дни будете ощущать утомление и сонливость. Возьмите отпуск до конца недели. Многие пациенты жалуются, что набирают вес. Могут случаться головокружения. Нередки запоры. Однако все это – явления временные. Как известно, на всякое действие есть противодействие. Но при регулярном приеме оланзапина вы достаточно быстро вернетесь к работе. Думаю, уже после Дня благодарения. Через неделю приходите ко мне снова. К тому времени ваше самочувствие значительно улучшится. Обещаю.

Я получила желаемое. Мне поставили первичный диагноз. Прописали лекарство и заверили, что оно поможет. И все же я выходила из кабинета в более тяжелом состоянии, чем пришла.

Фармацевт в аптеке вторично рассказал о побочных эффектах лекарства. Я слишком устала, чтобы прислушиваться к его словам, и лишь тупо кивала. Дома, не снимая пальто, прошла на кухню, налила стакан теплой воды и полезла в карман за таблетками. Выдавила одну, сунула в рот и приготовилась запить.

Не глотай это! Выплюнь.

Я старалась не обращать внимания.

Таблетки не помогут.

Я следовала стратегии, обрисованной доктором Эриксоном. Не прислушиваться к голосу. Не вступать в разговоры.

Не делай этого.

Все, что она говорит, – ерунда, не имеющая ко мне отношения.

Я запила таблетку.

Вскоре на меня навалилась жуткая усталость. Я, не раздеваясь, упала на кровать и уснула.

Глава 6

Следующие дни голос изводил меня вопросами. По ночам невидимая женщина будила рыданиями. Недосыпание меня доконало, болело все тело, я не могла ни на чем сосредоточиться. Развернув газету, через несколько минут ее откладывала, читать книги вообще не могла.

Голос стал моей идеей фикс. Я чем-то занималась, куда-то ходила, что-то смотрела, но все мысли были только о нем, даже когда незримая спутница молчала.

Я написала Маллигану драматичное письмо, сославшись на серьезные проблемы со здоровьем, но не вдаваясь в подробности. Сообщила, что наблюдаюсь у врача, и попросила неделю в счет отпуска. Маллиган выразил сочувствие и пожелал скорейшего выздоровления.

Бóльшую часть времени я бесцельно шаталась по городу. Как-то на станции метро «Юнион-сквер» заметила странного мужчину, моего ровесника. Одет он был в черный костюм с белой рубашкой. Между ног сжимал портфель. Вокруг бурлила толпа, а мужчина стоял так, словно врос в пол. Он что-то говорил, но в гуле толпы и грохоте поездов я слышала лишь отдельные фразы: «Внемлите Господу… Все мы грешники… Уверуйте в Господа… Вы сбились с пути…» Кроме меня, никто его не слушал. Его даже не замечали. Если бы и нашелся желающий вникнуть в проповедь, то, скорее все-

го, через минуту оставил бы это безнадежное занятие. Мне встречались уличные проповедники, но несущего слово Божие в метро видела впервые. Что заставило его выбрать такое шумное место для своих откровений? Может, и он слышал внутренний голос, и тот повелел ему проповедовать на одной из крупнейших и шумнейших станций нью-йоркской подземки? И какую власть однажды получит надо мной голос невидимой женщины?

Невзирая на страхи, прописанное лекарство я принимала всего дважды. И дело не в повелениях голоса. Побочные эффекты тоже не пугали, особенно когда я все о них знала. Меня останавливала перспектива попасть в зависимость от химического вещества, и оно станет повелевать мною, управлять моими действиями. Хватило и той тяжести, что навалилась на меня после первой же таблетки. Я почувствовала себя чужой в собственном теле.

Каждая моя клеточка противилась лекарству. Я решила, что ни при каких обстоятельствах не стану рабыней маленьких белых таблеток. Все не настолько серьезно, чтобы отдать себя во власть фармакологии. Должен быть другой, нелекарственный способ избавиться от голоса. Но какой? Может, послушать Эми и поехать с ней в буддистский центр на медитацию? А вдруг тишина и покой того места лишь усугубят мое состояние?

Пока что единственное спасение я находила в классиче-

ской музыке. Когда я лежала на диване, слушая Моцарта, Баха или Гайдна, голос умолкал. Звуки скрипки, виолончели и фортепиано действовали на нее как экзорцисты. Под натиском гармонии умолкало безумие. Однако и здесь нужна была осторожность – никаких дел под музыку. Никакого чтения, уборки или приготовления еды. Чары исчезали, и незримая спутница принималась за поучения. *Прекрати! Выбери одно из двух: либо музыка, либо книга. Нельзя слушать музыку и варить обед. Никогда не пытайся совмещать два дела.* Она мне диктовать будет! Я всю жизнь совмещаю… Однако приходилось уступать. Этим я покупала ее молчание.

День благодарения прошел мерзопакостно. Впервые я проводила этот праздник одна. Эми отправилась к родственнице в Бостон. Остальные друзья тоже, как назло, решили отмечать День благодарения с родными. Половина страны застала праздник в пути, торопясь в гости к близким людям. Брат еще месяц назад приглашал меня в Сан-Франциско. Но по его голосу я чувствовала, что это лишь дань вежливости, и потому отказалась.

Никогда еще не видела Нью-Йорк таким опустевшим. На улицах – ни машины. Кафе и магазины закрыты. Даже бездомный, вечно торчавший на углу Второй авеню и Пятьдесят девятой улицы, исчез. Решив заказать еду на дом, я обзвонила полдюжины ресторанов. Ни один не работал.

К обеденному времени весь дом обильно пропах жареной индейкой. Из соседних квартир слышался смех. Звенели бо-

калы. К аромату индейки примешивались дразнящие запахи клюквенного соуса, тушеной моркови с сахаром, зеленых бобов, сладкого картофеля и пирогов с тыквой.

В моей квартире поселилось амбре одиночества.

Я съела то, что удалось найти в холодильнике, и, плюнув на возражения невидимой женщины, выпила почти целую бутылку красного вина. Увы, моя «командирша» оказалась права. Стало только хуже. Меня захлестнула жалость к себе, в итоге я бросилась на диван и разревелась.

В воскресенье под вечер вернулась Эми. За эти дни мы с ней несколько раз перезванивались. Узнав, что я отказалась от таблеток, она обрадовалась и снова пригласила меня в буддистский центр. В голосе звучала тревога. Она предлагала мне просто попробовать. Что я так цепляюсь за Нью-Йорк? Почему не хочу на несколько дней сменить обстановку? В конце концов, я ничего не теряю: станет невмоготу, мы сразу же вернемся. Дороги-то всего три часа.

Мне уже было все равно куда ехать. Я ощущала полный тупик. Чувствовала, что больше не вынесу одиночества. Эми была права: нужно сменить обстановку.

Глава 7

Такси развернулось и медленно покатилось по грунтовой дороге. Водитель в последний раз наградил нас взглядом, полным искреннего сожаления. Еще немного, и машина скрылась за поворотом.

Мы с Эми стояли, оглушенные сверхъестественной тишиной. Ни птиц, ни насекомых. Даже ветер не шелестел в макушках деревьев.

Я огляделась. Пейзаж был скуп на краски. Деревья, сбросившие листву, худосочные кусты, торчащие из земли валуны. Пустынный мир, чьи цвета – коричневый и серый.

Казалось, я попала на необитаемый остров.

Эми надела рюкзак, кивнула мне, и мы двинулись по тропинке. Пройдя через лесок, вышли к холму, на вершине которого стояло причудливое здание. Нижнюю его часть украшали широкие окна, отчего та была похожа на конференц-центр. Средняя часть напоминала пагоду, увенчанную восьмиугольным куполом, а его окружали башенки, между которыми вился золотистый орнамент. По углам крыши располагались буддистские символы. Это и был центр, куда регулярно ездила Эми.

У входа нас встретила худенькая, коротко стриженная женщина в светло-розовых одеждах. Она приветливо улыбалась. Я гадала, сколько ей лет, но по ее лицу было трудно

определить возраст. Чувствовалось, они с Эми давно знакомы, однако и меня женщина встретила с не меньшим радушием. Мы вошли внутрь и поднялись в комнаты для гостей. Похоже, у этой женщины проблемы со здоровьем: даже на второй этаж она поднималась, тяжело дыша.

Мою комнату правильнее было назвать комнаткой. Я прикинула ее площадь: где-то восемь на десять футов. Из мебели – кровать, стул и шкафчик. На тумбочке стояла деревянная, ярко раскрашенная фигурка Будды и ваза с искусственными цветами гибискуса. На стене висела картина, изображавшая Будду в медитации, а под ней – дощечка с его изречением: «Никакие беды не грозят тому, кто не пытается владеть людьми и вещами».

Я подумала о бирманском брате. Может, и он живет сообразно этому изречению? Не потому ли он всегда так спокоен и бедность его ничуть не тяготит?

Монахиня показала туалет и душ. На первом этаже – общая кухня. Мы можем брать все, что лежит в шкафах и холодильнике. Кроме нас, здесь еще пятеро гостей. Через час, в четыре, начнется общая медитация, и если мы хотим, можем присоединиться. Обед в шесть, впрочем, приходить на него или нет – дело добровольное, как и все остальное здесь.

Эми предложила перед медитацией выпить чая, но мне не хотелось. Я сняла рюкзак, закрыла дверь и распахнула окно. В этом мире не было полицейских сирен. Не было машин. Не было музыки, доносящейся из соседней квартиры.

Тишина и никакого голоса внутри.

Удивительно, но моя «спутница» замолчала еще в Нью-Йорке и за всю дорогу не произнесла ни слова. Интересно, почему притихла?

– Эй, ты где? – негромко спросила я.

Она не отвечала.

– Где ты? – еще тише повторила я.

Снова молчание.

Я легла на кровать и стала ждать ответа. Мне не терпелось услышать ее голос. Как странно. Я так сильно хотела от него избавиться. Это с одной стороны. Но была же и другая.

Я смутно ощущала, что сама она не уйдет. Мне придется совершить путешествие в собственные глубины и узнать, что там творится. Выяснить, откуда этот голос и что его хозяйке от меня нужно.

Зал медитаций оказался просторнее, чем виделся снаружи. В нем легко поместилось бы несколько сот человек. Пол устилало алое ковровое покрытие. В углу высились аккуратные стопки красных одеял и голубых подушек для медитации. За стеклянными витринами стояли невозмутимые статуи Будды, выстроенные по росту: от больших до совсем маленьких. Перед витринами на столиках лежали приношения: апельсины, бананы, печенье. В зале терпко, но приятно пахло ароматическими палочками.

Я немного опоздала, Эми и другие гости уже медитирова-

ли. Взяв одеяло и подушку, я села в общий ряд, приняла позу лотоса, закрыла глаза и стала слушать тихое дыхание соседей. Но во мне не было их умиротворенности. Сердце бешено колотилось, дыхание оставалось быстрым и прерывистым. В голове гудело. Мысли неслись, как облака на свежем ветру. Почему-то вспомнился Маллиган и его густые брови. Затем я подумала о маленьких ушах, которые мой родной брат унаследовал от матери. Следом всплыла в памяти поношенная зеленая лоунджи У Ба. Перед глазами возникла картина: льдины, тающие в озере, пока от них не останется и следа. Новая мысль: я давно не чистила сапоги. Молоко в холодильнике наверняка скиснет.

Чем усерднее я пыталась сосредоточиться, тем назойливее и банальнее становились мысли. Совсем как во время попыток заняться йогой. В меня не проникал сочный, глубокий звук «ом», произносимый преподавателем. Я не достигала состояния блаженной пустоты. Видимо, буддистская невозмутимость для меня просто недосягаема. Я была жутко недовольна собой. Ну почему я не умею замереть в позе лотоса и забыть обо всех делах? Отчего мне никак не прогнать нескончаемый поток глупостей?

Я открыла глаза. Оказалось, не прошло и десяти минут. Спрашивается, зачем мне сидеть еще три четверти часа, сражаясь с дурацкими мыслями? Медитация ведь необязательна, можно прогуляться, вернуться к себе и почитать или, наконец, помочь с приготовлением обеда. Я уже собиралась

встать, когда за спиной послышались шаги. Совсем легкие, будто в зал вошел ребенок. Я обернулась и увидела невысокого пожилого мужчину азиатской внешности, одетого в темно-красную рясу. Голова его, как и полагалось буддистским монахам, была обрита наголо. Подойдя, он сел рядом со мной. Наши глаза встретились. Монах поприветствовал меня теплой, искренней улыбкой.

А мне показалось, что мы с ним очень давно знакомы.

Я не могла отвести от него глаз. На носу монаха сидели большие очки с толстыми стеклами, совершенно несоразмерные с узким, почти детским лицом, а черная оправа выглядела еще абсурднее. У него был необычно длинный острый нос и маленькие глаза. Полные губы заставили вспомнить про «ботокс». Улыбка выдавала глубокий прикус. Но в облике и движениях буддиста жило удивительное изящество. От него веяло спокойным достоинством. Такой человек либо не замечал недостатков своей внешности, либо был к ним полностью безразличен.

Монах сложил руки на коленях, закрыл глаза. Черты его лица мгновенно расслабились.

Его пример вдохновил меня, я решила помедитировать снова, но теперь передо мной стояло лицо этого старика. Я разволновалась, ныла поясница, болела спина и вдобавок начало першить горло. Это была настоящая пытка. Попробуй медитировать в таком состоянии!

Прозвучал гонг. Медитация окончилась. Облегченно

вздохнув, я открыла глаза. Старый монах исчез. Я огляделась, чувствуя, как в душе нарастает раздражение. Эми продолжала неподвижно сидеть с закрытыми глазами, остальные медленно поднимались.

Старый монах как сквозь землю провалился.

За обедом я познакомилась с другими гостями. Все они были из Нью-Йорка. Преподавательница йоги, женщина примерно моего возраста. Пожилой вдовец, надеявшийся, что медитации помогут отпустить жену, умершую год назад. Студентка, ищущая чего-то, о чем сама не ведала. Журналист, который говорил исключительно о своей будущей книге под названием «Сила тишины». Я ела овощное карри и надеялась, что книга окажется интереснее рассказов о ней. А у меня из головы не шел старый монах. В какой-то момент застольные разговоры начали мешать. Я переглянулась с Эми. Она мгновенно все поняла, и через несколько минут мы сидели в моей комнате.

Эми пришла с полотняным мешком. Мне вдруг показалось, что там спрятаны сокровища. Но внутри оказалась свеча, две рюмочки, штопор и бутылка вина.

– Здесь разрешают выпивать? – шепотом спросила я.

Вот она, юридическая закваска! Закон прежде всего.

Эми улыбнулась и приложила палец к губам. Затем зажгла свечу, погасила свет, после чего откупорила бутылку, наполнила рюмочки и села рядом со мной на кровать:

– Будда говорил: «Дурак, сознающий свое невежество, по сути – мудрец».

– Я думаю, Будда не похвалил бы нас за то, что мы пьем вино в таком месте. Или это занятие превратит нас в мудрецов?

Она заговорщически подмигнула.

– А ты сама – буддистка? – спросила я.

– Почти.

– Что это значит?

– Будда говорил: «Жить – значит страдать».

– И что?

Эми наклонилась к моему уху и прошептала:

– Великий мастер ошибался: жить – значит любить.

– Любовь и страдание не являются взаимоисключающими, – возразила я. – Скорее, одно предполагает другое. Как ты думаешь?

– Чепуха. Кто по-настоящему любит, не страдает.

На этот раз ее шепот был еще тише.

– Это не так.

– Так, подруга. Поверь мне. – Она привалилась к стене, приподняла свою рюмку. – За влюбленных.

– И за страдающих.

Мне не хотелось дальше говорить на эту тему. Воспользовавшись паузой, я спросила, не видела ли Эми в зале медитаций старого буддиста в громадных очках.

Подруга покачала головой, потом сказала:

– Монахиня говорила, что у них гость из Бирмы.

– Она что-нибудь рассказывала о нем? – спросила я, снедаемая любопытством.

– Только, что он достаточно стар. В Бирме его почитают. У него там множество последователей. Люди со всех концов страны приезжали к нему за советом. Причин я не знаю, но ему пришлось бежать из Бирмы. Здесь он около месяца. Ведет уединенную жизнь в лесной хижине. Монахиня говорила, они сами его редко видят. Обычно он не участвует в групповых медитациях. Странно, что сегодня решил показаться.

Некоторое время мы молча смотрели на пламя свечи.

– Кстати, что этот голос говорил о нашей поездке?

– Ничегошеньки.

– Видишь, как я была права, убедив тебя поехать? Тебе стоит чаще ко мне прислушиваться.

– Вряд ли ее молчание обусловлено лишь поездкой.

– А чем еще?

– Быть может… Я не знаю.

– Время покажет. Ты как, хочешь завтра вернуться в Нью-Йорк или побудем здесь подольше?

– Подольше.

Мы тихо, как две заговорщицы, чокнулись.

Ночью подморозило, трава покрылась тонким слоем инея. Здание опустело. Гости уже ушли на первую медитацию – на лужайке виднелись их следы. Каждый сделанный нами шаг

оставлял след.

Я оделась и вышла. Чистый холодный воздух пах зимой. Тонкие безлистные деревья казались прутиками, воткнутыми великаном в землю.

Розово-красные цвета неба. Поднимающееся солнце.

Меня не тянуло снова мучиться на медитации, лучше прогуляться в лесу. Туда вела приметная тропка, начинавшаяся у здания.

На пути мне встретился ручей. Вот и первые льдинки, украшавшие ветви, склоненные над водой ручья.

Я шла, наслаждаясь хрустом прутиков под ногами.

Зачем мы здесь?

Радости ее вопрос у меня не вызвал. Некоторое облегчение – да. И любопытство.

– Я приехала в поисках ответов.

На какие вопросы?

– Захотелось узнать, почему слышу твой голос и откуда ты взялась.

Молчание.

– Почему ты молчала вчера?

Никакой реакции.

– Что тебя настораживает?

Хочу выбраться отсюда.

– Почему?

Я боюсь, – шепотом ответила она.

– Чего?

Я задыхаюсь от страха. Помоги мне.

Куда только девался властный, приказной тон, которым она донимала меня в Нью-Йорке! Здесь она стала слабой. Наверное, ей действительно плохо.

– Чего ты боишься? – снова спросила я.

Сама не знаю…

Она долго молчала.

Сапог. Я боюсь черных сапог. Начищенных. Таких блестящих, что в них отражается мой страх.

– Чьи это сапоги?

Смерти.

– Кто их носит?

Посланцы.

– Чьи?

Посланцы Страха.

– И кто их посылает?

Молчание.

– Ты что-нибудь помнишь?

Белые пагоды. Красные пятна. Везде. На земле. На деревьях. Красная жидкость, вытекающая из ртов. Она окрашивает все. Мои мысли. Мои сны. Мою жизнь.

– Кровь? Ты помнишь кровь?

Она капает на лицо. Заливает глаза. Жжет. Ой как она жжет.

Она вскрикнула. Я вздрогнула от ее крика.

– Что с тобой?

Жжет. Очень сильно.

– Что жжет?

Память.

– Откуда ты родом?

Из страны, которую ты хорошо знаешь.

– Из какой части?

С острова.

– С какого?

Тхай бсон тху мья, а хти кьян тху мья я тхет шин най тху мья сан сар яр кьюн го тхва май.

– Что ты сказала?

Она повторила непонятное.

– На каком языке ты говоришь?

Не могу продолжать. Прошу, помоги мне.

– Каким образом?

Покинь это место. Я не хочу возвращаться.

– Куда?

На остров.

– Мы не собираемся ни на какой остров.

Еще как собираемся. Сейчас прямо туда идем.

– Я не понимаю, о чем ты. Объясни.

Она снова умолкла.

– Не исчезай. Останься. Постарайся вспомнить.

Ответа не было.

И как мне свести воедино осколки ее воспоминаний? Что

за страна, которую я знаю? Что за «сапоги Смерти» и «посланцы Страха»? Что вообще означают ее слова? Бред какой-то.

За деревьями я увидела небольшую хижину, построенную в форме треугольника. Бревна были темно-коричневого цвета. Скаты крыши почти достигали земли. Над крыльцом натянута веревка, где сушилась монашеская ряса. Из трубы поднимался белоснежный дым. Без малейших опасений я подошла к хижине.

Казалось, меня здесь ждали.

За широким окном я увидела вчерашнего монаха. Он сидел посередине комнаты на татами и читал книгу. Позади него, в дровяной плите, пылал огонь.

Я постучалась и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

Монах поднял голову и отложил книгу.

– Как я рад тебя видеть, – сказал он с британским акцентом. – Входи.

Я сняла сапоги и вошла, закрыв за собой дверь. Остановившись у двери, растерялась, словно забыла, зачем пришла.

– Подходи ближе. – Он махнул рукой на пол, приглашая сесть рядом.

Я окончательно засмущалась.

Мы оба молчали. Буддист виртуозно владел искусством ожидания.

Наконец я решилась сесть.

– Вы знаете, кто я? – спросила я осторожно.

– Я ведь монах, а не провидец, – усмехнулся он.

Мы опять замолчали. В плите приятно трещали поленья. Монах смотрел на меня. Его взгляд ничего не требовал, и постепенно я успокоилась.

– Вы из Бирмы? – спросила я.

Старик кивнул.

– Мой отец был родом оттуда.

Он снова кивнул.

– Я слышала, в Бирме люди приезжают к вам отовсюду, желая услышать совет.

– Иногда да.

– Как вы им помогаете?

– Выслушиваю рассказы, а потом напоминаю им.

– О чем?

– О нескольких истинах, которые все мы знаем, но часто забываем.

– О каких?

– Ты всегда так торопишься?

– Разве это плохо?

– Если дергать за стебельки травы, она не вырастет быстрее. Ты когда-нибудь медитировала?

– Да, вчера, рядом с вами, – сказала я, вновь ощущая неловкость.

– Вчера ты просто сидела, ничего не делая. Сидеть и медитировать не одно и то же.

– Как вы узнали?

Монах улыбнулся:

– Если хочешь, я тебе помогу.

– В чем?

– Помогу успокоиться.

Монах сел напротив меня, наши колени соприкоснулись. Он ничего не делал, снова терпеливо ждал. За его спиной по-прежнему трещали дрова в плите. Старик помогал мне выбраться из беличьего колеса вечной спешки. Одним своим присутствием показывал, что нам некуда торопиться. У нас столько времени, сколько нужно. Мое дыхание постепенно замедлилось. Монах взял мои холодные руки. Я не противилась – казалось, я очень давно ждала этого момента. Он внимательно осмотрел мои ладони, затем тыльные стороны. Я закрыла глаза и ни во что не вмешивалась, слушала его ровное дыхание, чувствовала тепло его пальцев. Его мягкую, морщинистую кожу. У меня появилось ощущение, что я куда-то падаю. Как лист, опускающийся на землю с большой высоты. Неспешно. Без усилий. Лист, спокойно исполняющий предначертанное судьбой.

Он держал мои ладони, а мне казалось, что он держит меня в своих руках.

Я утратила чувство времени.

Когда я вернулась в центр медитаций, Эми убирала со стола. Все уже позавтракали.

– Ты где была?

– В лесу, – не задумываясь, ответила я.

– Медитировала?

Я кивнула.

– Со старым монахом?

Я снова кивнула, не переставая удивляться, как хорошо Эми меня знает.

– Жаль, что он уже стар, – сказала она, подмигнув мне.

На следующее утро я проснулась до восхода солнца. Мне хотелось немедленно отправиться к старому монаху, но я дождалась, пока все уйдут в зал медитаций. Лишь тогда встала, оделась и отправилась по знакомой тропке.

– Проходи, садись, – сказал он, ничуть не удивившись. – А если хочешь, ложись.

Я разулась, растянулась на полу и только тогда заметила, что вся дрожу от холода. Монах накрыл меня одеялом, а сам уселся на корточках рядом. Его руки коснулись моих висков, после чего улеглись мне под голову. Эта тонкая «подушка» была удивительно теплой. Я закрыла глаза, дыхание замедлилось, дрожь прекратилась. Стало необыкновенно спокойно. В последний раз я испытывала подобное рядом с У Ба. Я чувствовала, что целиком могу довериться старому монаху и что он выдержит всю тяжесть моего мира.

– Что тебя тревожит?

Иногда достаточно одного вопроса.

Я начала рассказывать. Говорила о громадной любви, которой у меня не было и по которой я тосковала. О непро-

житых жизнях. О том, как можно различать бабочек по шелесту крыльев. О многочисленных главах «Книги одиночества». О сильных крыльях Обмана, уничтожавшего синеву небес, пока они целиком не почернели. О множестве оттенков горя. Об ужасе, охватившем меня, когда я впервые услышала внутри голос. Я рассказала ему о ее и своих вопросах, о своем страхе и о себе.

По щекам текли слезы. Они вымывали из меня то, что казалось погребенным навсегда.

Старый монах молчал.

Я знала: он понял каждое мое слово. Когда я закончила говорить, он откинул волосы с моего лица и нежно погладил лоб. Его пальцы были нежными, как у ребенка.

– То, что с тобой случилось, бывает чрезвычайно редко. До сих пор я всего один раз сталкивался с похожей ситуацией. – Он говорил медленно и спокойно, но по его интонациям я почувствовала, что мое положение очень тяжелое. – Как ты знаешь, буддисты верят в реинкарнацию. Тело умирает, но душа продолжает жить. Она покидает прежнего хозяина и вселяется в новорожденного младенца. Этот процесс мы и называем реинкарнацией. Карма нынешней жизни определяет будущую. Если человек творил по преимуществу добро, он может рассчитывать, что в следующей жизни ему воздастся. Но если вел недостойную жизнь, причиняя страдания окружающим, ему придется пожинать последствия. Ничего не исчезает бесследно. Многие буддисты считают, что

человек с плохой кармой в следующей жизни может родиться обезьяной или даже вошью. Я этого мнения не разделяю.

Старик замолчал. Я понимала все его слова, однако их общий смысл оставался загадкой. Какое отношение сказанное имеет ко мне?

– Твой случай – особый… Как бы тебе получше объяснить. Боюсь, чтобы ты не сочла мои слова шарлатанством. – И опять умолк. – В твоем случае… во время одного из процессов перехода что-то нарушилось. Попытаюсь растолковать.

Монах встал, подбросил дров в плиту, служившую ему еще и печью, и снова сел рядом:

– Ты говорила, что слышишь женский голос.

– Да.

– Эта женщина помнит белые пагоды и красные пятна на земле? Она боится черных сапог?

– Да.

– Еще ты говорила, что вчера она произнесла фразу на непонятном языке. «Тхай бсон тху мья, а хти кьян тху мья я тхет шин най тху мья сан сар яр кьюн го тхва май». Такие слова?

– Для меня они звучали так.

– Это бирманский язык. Они означают: «Остров мертвых. Остров любящих. Остров одиноких». Судя по тому, что ты мне рассказала, предполагаю, что женщина жила в Бирме. Должно быть, она из неприкаянных душ. После смерти не

обрела покоя. Хуже того, спряталась в тебя. Таким образом, сейчас в твоем теле обитают две души.

Я рывком отбросила одеяло и села. Монах смотрел на меня с недоумением. Я на него – с недоверием.

– Две души?

– Да.

– Я в это не верю.

Не всё, что поддается объяснению, является истинным.

Не все истины поддаются объяснению.

– Я ничуть не сержусь на тебя, – улыбнулся старик. – Кому понравится, когда в его теле поселяется еще кто-то? Но ты, сама того не желая, вдруг получила невидимую спутницу.

– И долго она собирается «гостить» во мне?

– Пока не умрешь.

– Получается… долгие годы? И что, нет способа избавиться от нее?

Старый монах снова взял меня за руки. Сам он слегка покачивался из стороны в сторону.

– Есть одна возможность… – Он долго смотрел на меня. Наверное, опять подбирал слова. – Тебе придется узнать, кем была эта женщина и почему умерла. Только так и не иначе ты даруешь ей покой. Лишь тогда она покинет твое тело. Но тебе предстоит долгое путешествие, которое неизвестно где и чем закончится. Готова ли ты к нему?

Глава 8

Теплый ветер играл моими волосами. Ослепительное солнце стояло почти в зените. Я пряталась в спасительной тени у хвоста самолета. Прикрывая глаза ладонью, разглядывала окрестности. Аэропорт Хехо мог похвастаться единственной взлетно-посадочной полосой, маленьким терминалом и башней, высотой с деревья. Наш самолет одиноко стоял на полосе, словно незваный гость из чужого и очень далекого мира.

Пилот заглушил двигатели, и теперь в ушах шумел только ветер. Вместе со мной прилетела группа итальянских туристов, несколько бирманцев, а также двое монахов. Все они уже исчезали за дверями единственной зоны прибытия. Позади них трое рабочих аэропорта катили тележку, доверху нагруженную чемоданами, рюкзаками и просто узлами. Новый порыв ветра поднял над взлетной полосой светло-коричневый песчаный вихрь. Я подхватила рюкзак и с некоторой опаской потопала за остальными пассажирами. Шла, поминутно оглядываясь, будто не веря, что я в сердце Бирмы.

После разговора со старым монахом я была словно в трансе. Казалось, я действительно раздвоилась и наблюдаю за собой со стороны. Вот я приняла решение последовать его совету и отправиться в Бирму. Вот слушаю одобрительные речи Эми. (Кажется, она боялась, что передумаю.) Спеш-

ные сборы. Длительный полет в Рангун, опоздание (местный аэропорт долго не мог принять наш самолет). Многочасовое ожидание рейса на Хехо. Полная заторможенность, причем без всяких таблеток.

Только здесь, в бирманском захолустье, напряжение начало спадать. Усталость и страхи отваливались от меня по кускам. Мне не терпелось увидеть У Ба. Давно я так не радовалась, как сейчас, предвкушая встречу с ним. Если быть честной, мною двигало не одно лишь желание увидеться. Я рассчитывала на помощь, почему-то веря, что вместе мы узнаем о судьбе женщины, душа которой поселилась во мне.

Перед зданием аэропорта машин не было. Вообще никакого транспорта. Только поодаль, возле лачуги, стояла старая, потрепанная «тойота» с открытыми окнами. Водитель дремал, положив голову на руль. К счастью, кто-то догадался вывести черной краской слово «Такси» на двери лачуги. Я подошла и деликатно постучала по капоту. Водитель не шевельнулся. Я постучала сильнее. Водитель поднял голову и сонными глазами уставился на меня.

– Вы можете довезти меня до Кало?

Мужчина радостно улыбнулся, потянулся и зевнул. Вылез из салона, поправил лоунджи, затем отверткой открыл багажник и запихнул туда мой рюкзак. Невзирая на сломанный замок, попытался снова запереть багажник. Тот закрываться не желал. Тогда водитель достал проволоку, обмотал ею крышку багажника, один конец пропустил через дыру, про-

еденную ржавчиной, и скрепил оба конца. Забравшись в салон, открыл мне заднюю дверцу. Под изношенной обивкой угрожающе выпирали бугорки пружин. Но я сразу же забыла о сиденье, увидев приборную доску. Точнее, место, где она должна бы находиться. Ее там не было! Как и самих приборов. На их месте громоздились джунгли черных, желтых и красных проводов разной толщины.

Глядя на мое замешательство, водитель ободряюще закивал. Выбора у меня не было, и я села. Машина тронулась, но вскоре остановилась возле уличного лотка, где таксист купил пакетик бетельного ореха и гирлянду из белых цветов жасмина. Гирлянду он повесил на зеркало заднего обзора, цветы были совсем свежими, и салон быстро наполнился их ароматом.

Сухой ветер, поначалу такой приятный, вскоре сделался прохладным, а потом и холодным. Я хотела закрыть окна, но привычные рукоятки здесь тоже не в почете.

– Мисс, вам холодно? – спросил водитель.

– Немножко.

Он понимающе кивнул и сбавил скорость, но за ближайшим поворотом снова надавил на газ. Видимо, любил быструю езду.

– Куда вам надо в городе?

– Отель «Кало» еще существует?

– Конечно.

– Тогда туда.

Наши глаза встретились в зеркале. Таксист слегка покачал головой и улыбнулся. От бетеля его зубы сделались кроваво-красными.

– Если мисс не возражает, я могу порекомендовать другие отели.

– А чем плох «Кало»?

– Ничем, – помолчав, ответил водитель. – Но мы, бирманцы, не любим в нем останавливаться.

– Почему?

– Говорят, там водятся призраки.

Могла бы и догадаться. Отвыкла от местных суеверий.

– И что за призраки?

– Это грустная история. В войну отель заняли под госпиталь. Несколько англичан, лежавших там, умерли. Говорят, их души и сейчас бродят по отелю.

– Я не верю в привидения. Вы-то их видели?

– Нет, конечно.

– Так, может, это выдумки?

– Я никогда не ночевал в отеле «Кало». – Он снова покачал головой и улыбнулся.

– А вам встречался хоть один человек, видевший их?

– Нет, мисс. Мои пассажиры там не ночуют.

– В прошлый раз я прожила в этом отеле две недели и не встретила ни одного призрака.

Скорее всего, владельцы других отелей в Кало доплачивали водителю, чтобы он вез постояльцев к ним. Сообразив

это, я решила не углубляться в тему.

Мы ехали по сильно пересеченной местности. Земледелие на крутых склонах холмов – занятие не из легких. Невдалеке от дороги крестьянин пахал землю на водяном буйволе. Чувствовалось, что недавно прошел дождь. Человек и буйвол были густо заляпаны грязью. Тощий, жилистый бык хлюпал по скользкой земле, крестьянин в насквозь промокшей лоунджи изо всех сил налегал на плуг. Вид у обоих был такой, словно они вот-вот свалятся от истощения.

А в двухстах ярдах от поля на солнце сверкала золотистая ступа. Среди холмов и полей, за деревьями и бамбуковыми рощами, прятались пагоды, храмы и монастыри.

В одном месте дорогу перегородила воловья упряжка. Пришлось остановиться и ждать, пока хозяин не заставит двух рогатых упрямцев сместиться на обочину.

Через час с небольшим экзотическая «тойота» затормозила перед отелем «Кало». Водитель неторопливо размотал проволоку, извлек мой рюкзак и подал мне вместе с визитной карточкой, на которой значились его имя и адрес. Пожелав приятного отдыха в Кало, он уехал. Меня удивило, что из отеля никто не вышел. Не слышали шум мотора?

Мне не оставалось иного, как подхватить рюкзак, подняться на крыльцо и войти в настежь распахнутые двери. Забилось сердце, воспоминания хлынули потоком… Здесь ничего не изменилось, только состарилось. Часы на стене все так же неверно показывали время в Рангуне, Бангкоке, Па-

риже, Токио и Нью-Йорке. Штукатурка во многих местах обвалилась, и теперь стены напоминали обгоревшее на солнце тело, с которого пластами сходит кожа. Все так же пустовал шкафчик для ключей: ни в прошлый приезд, ни сейчас я не увидела за его стеклом ни одного ключа. Вестибюль был залит холодным неоновым светом. Блестели начищенные полы, сонно колыхались на ветру желтые портьеры.

У меня было ощущение, что я вернулась домой, что жила в этом отеле не две недели, а многие годы.

– Привет! – крикнула я.

Ответа не было.

В соседней комнате работал телевизор. Перед ним на скамейке спал молодой человек.

– Привет! – громко повторила я и постучала по дверному косяку.

Спящий проснулся и недоуменно на меня уставился. Казалось, он меньше всего ожидал постояльцев.

Мой номер 101 совсем не изменился.

Просторная комната с высокими потолками и белеными стенами. Две кровати, разделенные ночным столиком. У окна – два кресла. Корейский мини-холодильник стоял на старом месте и по-прежнему не работал.

Молодая женщина за стойкой администратора встретила меня очень дружелюбно. Она знала несколько английских фраз, но ничего не слышала про У Ба.

Оставив рюкзак в номере, я отправилась в чайный домик,

где впервые увидела сводного брата. Уж там-то наверняка кто-нибудь знает, где его искать. Улицу, по которой я шла, окаймляли молочаи, олеандры и разросшиеся кусты, вела она от отеля к центру города и выглядела гораздо лучше, чем в мой первый приезд. Навстречу неспешно брели прохожие. Многие шли за руку или под руку. Почти все приветливо улыбались. Ко мне подъехал мальчишка на взрослом велосипеде. Его ноги едва доставали до педалей.

– Как поживаешь? – спросил он.

Прежде чем я успела ответить, юный велосипедист скрылся за углом.

Дойдя до развилки, я остановилась и огляделась. Справа – парк, стихийно возникший на месте прежнего английского гольф-клуба. Поле заросло деревьями. У входа, в тени сосны, стояла повозка, запряженная парой лошадей. Слева начиналась главная улица. Только по ней я и могла попасть в центр Кало. Я свернула туда и продолжила путь. Прошла мимо школы, из раскрытых окон слышались звонкие ребячьи голоса.

А потом я… увидела У Ба. Узнала брата издали, по походке, по его легкому, слегка пружинистому шагу. Только У Ба мог вот так придерживать правой рукой лоунджи, чтобы одежда не мешала идти быстрее. Он шел мне навстречу. У меня снова заколотилось сердце, нахлынули воспоминания.

На глаза наворачивались слезы. Я сглотнула и плотно сжала губы. Почему я так долго сюда собиралась? Почему не

поддалась тоске по У Ба, по Кало? До чего же, оказывается, тяжело следовать голосу собственного сердца. Я вдруг поняла, что все эти десять лет жила не своей жизнью.

У Ба поднял голову, заметил меня. Мы оба пошли медленнее. Оба замерли, прежде чем оказаться лицом к лицу.

Сестра и брат. Высокая, еще не старая женщина и низкорослый, пожилой мужчина.

Мне захотелось крепко обнять его, прижать к себе, однако тело не слушалось. Напряжение разрядил сам У Ба. Шагнул ко мне, протянул руки и осторожно обнял ладонями мое лицо. Его уставшие глаза оглядели меня и вдруг стали влажными. Он не стеснялся слез. У него дрожали губы.

– Я очень долго собиралась сюда, – прошептала я.

– Да. Прости, что не встретил в аэропорту.

– О чем ты, У Ба? Ты ведь даже не знал, что я приеду.

– Думаешь? – улыбнулся он, но тут же стал серьезным.

Я обняла его. У Ба встал на цыпочки и все равно достал мне только до плеча.

Есть большие мечты. Есть маленькие.

– Где твои вещи?

– В отеле.

– Мы их обязательно заберем. Ты ведь поселишься у меня?

Я вспомнила его хижину на сваях. Пчелиный рой, обитающий в гостиной, продавленную кушетку, свиней, разгуливающих внизу.

– Даже не знаю. Я бы не хотела быть обузой.

– Обузой? Наоборот. Джулия, ты окажешь мне великую честь, если поселишься у меня. – Он озорно подмигнул. – И потом, жители нашего городишки отвернутся от меня, если узнают, что я позволил сестре жить в отеле. Сестре, прилетевшей с другого конца света. Это решено окончательно. – У Ба взял меня за руку и повел туда, откуда пришел. – Для начала предлагаю выпить чаю и чего-нибудь съесть. Ты, должно быть, проголодалась после дальней дороги. В самолетах вас хоть чем-то кормят?

Мы пересекли улицу. У Ба привел меня в ресторанчик: часть низких, почти детских столиков и стульев стояла во дворе под тентами. Мы расположились за единственным свободным столом. Сев, я сразу же уперлась коленями в его днище.

Рядом оживленно беседовали две женщины. По другую сторону расположились двое солдат в зеленой униформе. У Ба легким кивком приветствовал всех.

– Это заведение принадлежит той же семье, что владела чайным домиком. Ты его помнишь?

Конечно, я не забыла ветхое, покосившееся строение с пыльным полом и засаленными стеклами витрин, где по пирожным и рисовым колобкам лениво ползали мухи.

– Вижу, владельцы достигли больших успехов.

– Ты принесла им удачу, – сказал У Ба, улыбаясь во весь рот.

Брат молча разглядывал меня. Нам принесли чай в чашках, в каких обычно подают эспрессо. В моей плавала дохлая муха.

– Пожалуйста, простите, – засмущалась официантка, когда я показала ей утопшую.

Взяв ложечку, она ловко извлекла насекомое и выбросила во двор. Я опешила, а официантка, посчитав миссию выполненной, удалилась шаркающей походкой.

– Хочешь другую? – спросил У Ба.

Я кивнула.

Он проворно поменялся со мной чашками.

– Я имела в виду не это, – пробормотала я.

У чая был своеобразный вкус. Нигде, кроме Бирмы, я не встречала такого чая: крепкого, с горчинкой, приглушенной сладким сгущенным молоком.

У Ба потягивал чай, не сводя с меня глаз. В этом взгляде не было провокации или оценки. Он не занимался ментальным анализом. Просто смотрел, однако мне все равно было слегка неуютно. Мы не виделись десять лет. Почему же слова не льются безостановочным потоком? Мы даже не задаем стандартных вопросов: «Как поживаешь? Как дела?» Неужели после десяти лет разлуки нам нечего сказать друг другу?

Я собралась заговорить первой, но в его глазах прочла, что время бесед наступит позже. К столику снова подошла официантка, принесла две миски горячего супа с лапшой.

– «Не поддавайтесь тому, что мимолетно. Не позволяй-

те мыслям уносить вас в будущее и не застревайте в прошлом. В этом искусство своевременного прибытия. Искусство, позволяющее в момент времени находиться только в одном, определенном месте. Воспримите этот момент всеми своим чувствами, ощутите его красоту и уродство, но не порознь, а вместе. Позвольте себе без страха погрузиться в него»… Эти слова я вычитал в книге, которую я реставрировал. Кажется, она называлась «О путешествии». Тебе понравилась цитата?

Я кивнула, хотя не понимала, какое отношения она имеет к нашей встрече.

У Ба склонил голову набок и улыбнулся:

– А ты красивая. Даже красивее, чем сохранилась в моей памяти о тебе.

Я засмеялась неожиданному комплименту.

– Сегодня – пятнадцатое число. Просто совпадение… – проговорила я.

– Знаю. Разве я могу об этом забыть?

По его лицу пробежала тень.

– Горожане и сейчас устраивают процессии в память Ми Ми и нашего отца?

У Ба печально покачал головой и почему-то оглянулся по сторонам. Наклонившись ко мне, прошептал:

– Военные запретили шествия.

– Что? – удивилась я, спросив излишне громко. – Почему?

У Ба поморщился. В это время солдаты встали из-за сто-

лика. Услышав мои вопросы, они с любопытством посмотрели на меня, но не остановились, вышли на улицу, сели в армейский джип и уехали. Поднявшееся облако пыли поплыло в сторону дворика, оседая на столиках и полу. Я даже закашлялась.

Брат, наоборот, вздохнул с облегчением:

– Армия не любит демонстраций.

– Даже когда люди идут почтить память двух великих сердец? Память удивительной любви? – удивилась я.

– В особенности это. – У Ба отхлебнул остывший чай. – Чего сильнее всего боятся вооруженные люди? Других вооруженных людей? Нет! Чего наиболее страшатся жестокие? Жестокости? Снова нет! Что опаснее всего для охваченных ненавистью и эгоизмом? Больше всего они боятся любви.

– Неужели военные видели угрозу в цветах, что безоружные люди несли к дому Ми Ми? Что в них опасного?

– Те, кто любят, уже опасны. Они не знают страха. Они подчиняются иным законам.

Мы встали. У Ба хотел расплатиться, однако официантка сказала что-то по-бирмански. Мой брат ей ответил, после чего оба засмеялись.

– С нас не берут денег. Это было угощение от хозяев.

– Спасибо, – сказала я.

– Эта женщина хочет тебя поблагодарить.

– За что?

– За возможность проявить доброту к тебе.

Я слишком устала, чтобы понимать здешнюю логику, а потому приветливо улыбнулась официантке, и мы ушли.

– Может, наймем повозку и съездим за твоими вещами? – предложил У Ба. – Представляю, до чего ты устала.

– Ничего, дойду пешком. Здесь недалеко, и рюкзак у меня совсем не тяжелый.

У Ба снова закашлял. Первый раз я услышала его кашель за столом: сухой, пронзительный.

– Ты простудился?

Он покачал головой и взял меня за руку. Мы пошли к отелю. Всякий раз, когда я ускоряла шаг, У Ба деликатно меня сдерживал.

Солнце отбрасывало длинные тени и вскоре скрылось за горами. Стало прохладнее.

У Ба остался в вестибюле, а я поднялась на второй этаж за рюкзаком. Не желая обижать владельца отеля, заплатила за две ночи.

Я собиралась нести рюкзак сама, однако У Ба, глухой к возражениям, взвалил его себе на спину и торопливо вышел из отеля.

Глава 9

Я умирала от желания увидеть преображенный дом брата. Посланных денег должно было хватить на капитальный ремонт жилища У Ба.

Узкая тропка, петляющая между банановых деревьев и деревьев папайи, вывела нас к реке. У Ба часто останавливался, чтобы успокоить дыхание, но наотрез отказывался отдать рюкзак. Я узнала деревянный мост. Миновав его, мы поднялись по крутому склону, прошли мимо ветхих хижин. Казалось, первый же сильный ветер подхватит их и унесет неведомо куда. Покосившиеся стены и крыши были сплетены из сухих пальмовых листьев, бамбуковых стеблей и трав. Во многих дворах топились земляные очаги, и в темнеющее вечернее небо поднимались столбы белого дыма. Завидев нас, галдящие ребятишки бросали игры и вовсю глазели на двоих взрослых.

Дом брата скрывался за живой изгородью из цветущих бугенвиллей, стебли которых дотягивались до самой калитки. В наступающих сумерках цветки казались красными огоньками. Мы не без труда преодолели заросли, которые У Ба гордо называл садом. Его дом стоял на пятифутовых сваях. Я увидела знакомые стены из черного тикового дерева, прохудившуюся жестяную крышу и маленькое крыльцо. Внизу безмятежно похрюкивала свинья. Все как в моей памяти.

Мы поднялись на крыльцо. На первый взгляд дом и внутри почти не изменился. То же коричневое кожаное кресло. Та же пара кушеток с истертой обивкой. Маленький кофейный столик, темный шкаф. Картина маслом, изображающая лондонский Тауэр. Новым был красный алтарь… На стене висели фотографии Ми Ми и нашего отца – Тина Вина. Кусочек его нью-йоркской жизни. Вернувшись домой, я послала У Ба этот снимок. Перед фотографиями лежали красные цветы гибискуса и горстка риса. Если я не ошибалась, раньше это место занимала статуя Будды. Я вспомнила нью-йоркскую квартиру. В какой из нераспакованных коробок лежала такая же фотография отца?

По периметру гостиной были расставлены пластмассовые ведра. Вряд ли они часть какого-то ритуала… Вспомнив о пчелах, я взглянула на шкаф, где они жили. Пусто.

– А где пчелы?

– Увы, они покинули мой дом и нашли себе новое пристанище. Где – не знаю, – ответил У Ба, снимая с плеч рюкзак. – (Я облегченно вздохнула.) – Их место заняли две змеи.

– Кто? – пролепетала я, застыв на месте.

– Две кобры.

– У Ба, нельзя так шутить.

– Мы неплохо уживались, – сказал он, удивленно глядя на меня.

– У Ба, тебе ли не знать, насколько опасны кобры. Они ядовиты! Один укус – и человек умирает.

– Кобры не причинили мне вреда, – спокойно возразил брат.

Он не понял моего испуга.

– Где они сейчас? – спросила я, борясь с желанием вскочить на кофейный столик.

– Не знаю.

– Что?! – Я была на грани истерики.

– Однажды они просто исчезли.

– Что значит «исчезли»? Когда ты видел их в последний раз? На прошлой неделе? Месяц назад? Когда?

У Ба вдруг расхохотался и несколько минут не мог успокоиться.

– Уже и не помню. Ты же знаешь: в моей жизни время не играет особой роли. Должно быть, уползли год назад. Или два.

– То есть сейчас их нет ни в доме, ни во дворе?

– Да. Я же сказал, что они исчезли. Куда – тоже не знаю.

Мне стало чуточку легче.

– И ты не боялся?

– Чего?

Брат вовсе не поддразнивал меня. Он действительно не понимал моего беспокойства. Я это видела по его глазам. По маленьким карим глазам, говорившим: «Не понимаю, что́ так взволновало сестренку».

– Чего? – переспросила я. – Они могли тебя укусить. Ты бы мог умереть.

Он долго молча смотрел на меня и добросовестно пытался понять.

– Нет, – сказал наконец У Ба. – Этого я не страшился.

Думаю, я ему завидовала.

– Спать ты, конечно же, будешь на моей кровати.

У Ба отодвинул выцветшую зеленую занавеску, открыв комнатку с деревянной полкой, ночным столиком и стулом. С потолка свешивалась лампочка без абажура. У Ба не преувеличивал: скачки напряжения давали о себе знать.

– Даже матрас есть, – с гордостью сообщил У Ба. – Моя величайшая роскошь. – Он задвинул занавеску. – Сделаю-ка я нам чая.

У Ба прошел на кухню, я – за ним. У кухонного шкафа не было дверок, на одной полке стояла пара эмалированных мисок и три тарелки. Нижние полки занимали нехитрые припасы: несколько яиц, заплесневевшие помидоры, чеснок, имбирь и картошка. В открытом очаге тлели угли. Над ними висел закопченный чайник. У Ба склонился над очагом, подбросил несколько лучинок и дождался, когда вспыхнет огонь. Никакой вытяжки, естественно, не было. Дым уходил в дыру, проделанную в крыше.

Куда я попала? Неужели я смогу жить в этой хижине на сваях? Выгребной туалет во дворе. Вместо водопровода – колодец. Никакого душа, даже холодного. Я лихорадочно изобретала причину, которая бы не обидела брата и позволила вернуться в отель «Кало».

Чай У Ба заварил просто в термосе, поставил его на поднос с парой кружек и тарелкой жареных подсолнечных семечек, и мы вернулись в гостиную.

Вечером в его доме было не теплее, чем на улице. Пришлось доставать из рюкзака теплый свитер. Нагнувшись, я случайно задела пластмассовое ведерко и нашла повод спросить:

– Зачем тебе они?

У Ба оглянулся, словно впервые заметил их.

– Ах ведерки… Видишь ли, дом старый, крыша в нескольких местах протекает. Но ты не волнуйся: в спальне не бывает протечек.

– А почему ты не сделал себе новую крышу?

– Это очень дорого. Знала бы ты, как взлетели цены на дерево…

У Ба собирался еще что-то сказать, но я его опередила:

– На те деньги, что я тебе посылала, ты бы мог построить новый дом.

Он склонил голову и задумчиво поглядел на меня:

– Ты права.

– И почему ты этого не сделал? На что пустил деньги?

Какое право я имела задавать подобные вопросы, да еще таким тоном? Мне стало невыразимо стыдно. Разве У Ба обязан отчитываться за каждый потраченный доллар? Высылая деньги, я о таком даже не думала. А теперь, получается, требовала отчета за подарок.

Надо же, какие залежи дерьма скрываются во мне!

– У Ба, прости мне эту бестактность. Мне нет дела, как и на что ты потратил деньги. Просто мне казалось…

Брат задумчиво наморщил лоб:

– Ты совершенно права, сестренка, задала здравый вопрос. Сейчас вспомню, на что я их потратил… Какую-то сумму дал владельцу чайного домика, чтобы он смог построить новое заведение. Потом у соседа тяжело заболела жена. Требовалась операция, а их делают только в Рангуне. Сын друга поехал учиться в Таунджи. Часть денег пошла на учебу юноше.

Я надеялась, что этим список расходов исчерпывается. Я и так сгорала со стыда.

– Да, вот еще. Несколько лет назад у нас выдался на редкость засушливый год, урожай был очень скудным. Соседские семьи голодали… Кажется, ничего не забыл. – У Ба молчал, вспоминая, потом хлопнул себя по лбу и радостно воскликнул: – Я и о себе позаботился! Сейчас покажу, что купил. Просто замечательная вещица.

Открыв книжный шкаф, У Ба вынул кассетный магнитофон:

– Вот, посмотри. Когда кто-то ездит в Рангун, я прошу привезти мне новых кассет.

У Ба включил магнитофон в сеть, поставил кассету и нажал на «Пуск». Его лицо застыло в ожидании чуда.

Послышались звуки духовых и струнных инструментов,

рождавших классические мелодии.

– Иногда ко мне приходят соседи. Приводят родных и друзей, – торжественно сообщил У Ба. – Временами нас собирается так много, что мы едва помещаемся в этой комнате. Сидим и наслаждаемся музыкой – бывает, что и целый вечер.

Я вслушивалась в звуки, пытаясь понять, что же исполняет оркестр. В мелодии улавливалось что-то знакомое, но вот манера исполнения… Казалось, подвыпившие музыканты пытались играть Бетховена или Брамса, причем не на традиционных инструментах, а на китайской флейте, резкой и пронзительной. К этому добавлялся неописуемо рваный ритм.

– По-моему, у магнитофона что-то со скоростью.

– Неужели? – озадаченно спросил У Ба.

Я осторожно кивнула. Слушать подобное было настоящей пыткой.

– Ты действительно так думаешь?

Я снова кивнула.

У Ба немного подумал, потом сказал:

– Скорость не так уж важна. Мне эта музыка все равно кажется прекрасной. – Брат закрыл глаза, покачивая головой в такт скрипичному пассажу. – И потом, мне не с чем сравнивать, – не открывая глаз, добавил он. – В этом и состоит секрет счастливой жизни.

Он восхищался мелодией искренне и очень эмоционально. Приоткрыв глаза, он послал мне благодарный взгляд и

снова погрузился в музыку. Постепенно и я перестала замечать дефекты скорости… Где-то на середине проникновенного скрипичного соло музыка вдруг оборвалась и вдобавок погас свет. В кромешной тьме я не различала даже силуэта брата. Зато стали доноситься звуки извне: жужжание насекомых, голоса соседей.

– Такое вот у нас электричество, – послышался из темноты голос У Ба. – В последние недели отключается постоянно.

Он встал. Вспыхнул огонек спички – У Ба зажег несколько свечей, расставил их по комнате. Помещение наполнилось мягким неярким светом.

– Иногда отключают на несколько минут, а бывает – до самого утра, – пояснил брат, подливая мне горячего чая.

Я взяла кружку, отхлебнула и вдруг почувствовала всю усталость от долгого пути из Нью-Йорка в Кало.

– Ну как, сестренка, звезды были к тебе благосклонны? – спросил У Ба, садясь рядом.

Да, конечно. Спасибо. У меня все прекрасно. Лучше не бывает. Не жалуюсь. Могло быть и хуже… Я перебрала варианты привычных ответов. Привычных для Нью-Йорка, но не для бирманского брата. Он спрашивал не из вежливости, и я не хотела обижать его отговорками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.